

АКАДЕМИЯ МАГИИ

МАРИНА КОМАРОВА

ПРАКТИКА
НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Annotation

Все знают, что академий магии много. Но Полтавский магический университет — особенный! Завхозом здесь работает самый настоящий черт, деканом — ведьма, а ректор наводит ужас даже на преподавателей. Но у первокурсницы Дины нет времени удивляться. Кроме того, что учиться очень сложно, никак не получается разобраться с личной жизнью. Могущественный колдун предлагает Дине замужество, а сама она по уши влюблена в того, кого любить и странно, и опасно. Ведь ее избранник — смертельная угроза для любого мага.

Марина Комарова

Практика на Лысой горе

*Ой не ходи, ходи, Орися, на гору, на Лиску.
Не ходи, ходи, Орися, а грай на сопілці.
Ой-гой, дриці-дриці, ой-гой, дриці-дриці
Не ходи на Лису гору, а грай на сопілці.*

Народная украинская песня

© Комарова М.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Часть I

Сын чугайстра

Глава 1

Любовное заклятье

Вий-Совяцкий — это вам не подарок. Лыс, упитан, в сером невзрачном костюме. Говорит медленно, слушает внимательно. За весь мой рассказ только пару раз недовольно хмыкнул. Если б не это, можно решить, что ректор попросту заснул. Правда, стоило только запнуться, как тяжелые веки приоткрылись, и на меня глянули блеклые голубые глаза.

— Да-да?

Воздух застрял в легких, на лбу выступила испарина. От низкого глубокого голоса по спине пробежали мурашки.

Я подавил вздох и повторил:

— Кафедра мольфаров^[1], Павел Константинович.

Он кивнул, протянул руку и еще раз посмотрел на мои документы. Отчаянно скучающий взгляд. На миг показалось, что я сижу на глыбе изо льда, а просторный кабинет заполнило морозное дыхание зимы.

— Ходатайство, значит. Андрей Григорьевич Чугайстрин.

Четко, смакуя каждое слово, будто пробуя на вкус.

— Да, — подтвердил я.

— Ну что ж...

Время замерло. Боязно было пошевелиться. Вдруг откажет?

— Посмотрим-посмотрим, — размеренно произнес он, будто вколачивая каждым слогом гвозди. — Пока испытательный срок — месяц, а там... У нас середина года, будете вникать по ходу дела.

Он выдвинул ящик стола, достал коробку из зеленого змеевика. Я затаил дыхание, следя за его действиями. Невольно отметил, что пальцы Вий-Совяцкого неожиданно длинные и гибкие, а ногти слишком грубые. Больше даже на когти похожи, чего уж там.

Он тем временем вытащил пятиугольную печать, подозрительно смахивавшую на пентаграмму, и шлепнул на пропускной лист.

— Пройдите к секретарю, она вас оформит.

Я еле удержался, чтоб не вскочить. Во-первых, за два часа собеседования из меня чуть не вытряхнули душу, во-вторых... просто не верилось.

— Я... принят? — голос на удивление прозвучал ровно.

Он пристально посмотрел на меня, потом чуть прищурился.

— Идите к секретарю, Андрей Григорьевич. Не задерживайте, будьте любезны.

— Да, конечно, — пробормотал я, спешно сгребая документы.

Вий-Совяцкий по-прежнему смотрел на меня, будто изучал новое насекомое, внезапно влезшее на его стол и нарушившее идеальный порядок.

— Вы идите, Андрей Григорьевич. Идите.

Оказавшись в коридоре, возле массивной двери с табличкой «Вий-Совяцкий Павел Константинович, ректор ПНУМ», я смог кое-как прийти в себя. До сих пор не верилось: я прошел собеседование. При этом ректор не такое уж чудовище, как о нем рассказывали. Хоть и приятного мало.

Мимо пробежала мертвенно-бледная девчонка, удерживая в руках светящийся красный шар. За ней промчались двое старшекурсников, чудом не столкнувшиеся со мной.

— Где здесь секретарь? — успел я крикнуть.

— На второй этаж, первая дверь слева, — бросил один из них, не оглядываясь.

Что ж, сейчас занятия. Поищем самостоятельно.

Поднявшись по широкой лестнице, я нырнул в темный коридор. В воздухе стоял еле уловимый запах хвои и мяты. Интересно, это мольфары стараются? Вряд ли кому-то еще в голову придет экспериментировать с этими ароматами. Все же лес — больше их парафия. Однако, принявшись, понял, что экспериментаторы перестарались — отчетливо слышался запах гари. Качнув головой, я подошел к секретарской двери и постучал. Из кабинета доносился пронзительный женский голос, но меня явно не слышали. Постучал еще раз, взгляд упал на табличку «Языкатая Х.Х., секретарь».

Осторожно опустив ручку, я заглянул:

— Разрешите?

Кабинет не уступал по размерам ректорскому, но оказался настолько захламлен, что стоять было практически негде. Везде стопки бумаг, папки, на столе три телефона, по двум сразу говорила худая пожилая женщина. За ее спиной высился приоткрытый шкаф, из которого выглядывали пальто и... метла.

Женщина только стрельнула в меня черными глазами и кивнула. Убрала за ухо темную прядь, выбившуюся из стянутых в пучок волос, и снова застрекотала на такой скорости, что вообще не разобрать, о чем речь.

Метла вдруг с тихим шорохом съехала вниз и стукнулась о пол. Секретарь подпрыгнула от неожиданности.

— Перезвоните через час! — рявкнула она сразу в две трубки и с грохотом положила их на аппараты. — Слушаю вас.

Последнее относилось ко мне, поэтому я тут же протянул ей бумаги. Она нахмурилась, быстро пересмотрела все листы.

— Так-так, точно мольфарское?

— Да, именно, — подтвердил я, стараясь сказать это как можно спокойнее.

Она принялась что-то выписывать на продолговатом бланке.

— Хорошо. Значит, сейчас заселитесь в общежитие. Сегодня уже ваших распустили, знакомиться с группой будете завтра в полдевятого. Сосед ваш Ткачук, правда...

Дверь распахнулась, смерчем в кабинет влетел худенький мужчина в измазанной куртке. Взлохмаченный и возбужденный. Озадаченный и даже испуганный, словно черт, попавший в монастырь.

— Хвесья Харлампиевна, караул! Спасайте, голубушка! Эти дармоеды совсем обнаглели, весь этаж мне испортили! Я их и так, и этак, а толку никакого!

— Злыдни, — не отрываясь от бумаг, сообщила она.

— Что? — в один голос переспросили мы вместе с появившимся.

— Не дармоеды, а злыдни, — невозмутимо сообщила Хвесья Харлампиевна, убрав часть моих документов в огромную синюю папку, и отдала мне два талона: на заселение и на питание. — Они у нас по материальным ведомостям больше всего пользы приносят, так что это вы зря.

— Так меня ж Вий-Совяцкий убьет!

— Дидько! Не заворачивайте мне мозги! Вы завхоз или где?

Я чуть не поперхнулся. Вот так фамилия, нечего сказать. Вид у него был настолько расстроенный, что стало даже жалко. Интересно, какого размера неприятности?

— А что... — осторожно начал я, но Хвесья Харлампиевна метнула на нас колючий взгляд.

— Чугайстрин, вас общежитие заждалось. Там все расскажут. Столовая находится на территории университета, возле второго корпуса.

— Спасибо, — быстро ответил я, решив, что лучше не нарываться, и выскользнул за дверь. За мной тут же вышел Дидько.

— Стену выжгли своими заклинаниями, — запоздало ответил он на вопрос. — Уже второй раз за неделю.

Мы зашагали к лестнице. Стояла мертвая тишина, видимо, с пар тут не сбегали.

— А как вы обычно справляетесь? — поинтересовался я.

Дидько пожал плечами:

— Умудрялся выбивать стройматериалы. А тут совсем беда, прям не знаю, что делать. Все закончилось, эх...

Я задумчиво посмотрел на него.

— А показать сможете?

Оторопевший взгляд, пожатие плечами:

— Пошли, чего уж там. Пока эти дармо... злыдни не понабежали.

Мы покинули здание, пересекли большую площадку и направились к двухэтажному строению. Снег хрустел под ногами, мороз щипал щеки. Солнце спряталось за тучи, но настроение все равно было хорошим.

«Пострадавшее» здание оказалось страшной развалюхой: покосившееся, закопченное, будто печенная в костре картошка, с выбитыми окнами. Даже в крыше обнаружилась дыра, из которой валил густой сизый дым. Кажется, говоря про один этаж, завхоз явно... сказал не все.

— Вы новенький, да? — спросил Дидько.

— Да, — кивнул я.

Завхоз смотрел с доброжелательным любопытством, но вдаваться в подробности не хотелось.

— Кого вам дают, мольфаров с первого курса?

— Да, именно.

Приблизившись к зданию, я почувствовал кислый неприятный запах. Так-так, кто-то, наплевав на безопасность, балуется прикладной умертвولوجией. Не будь у меня в студенческие годы соседа-злыдня и регулярных пожаров в комнате, знать бы не знал, что значит такой запах.

Я остановился и поднес руку к стене, пальцы защекотало. Хмыкнул и покачал головой.

— У вас тут третий курс резвился?

Дидько снова поник и обреченно кивнул. Подошел ко мне и тяжело вздохнул.

— Они, проклятушие. Сашка хоть и гоняет их, но мало. Всю группу бы в подвал на отработки, тогда был бы толк.

Я начертил в воздухе несколько знаков, которые тут же вспыхнули белым, и здание опутала тончайшая светящаяся сеть. По телу разлилось приятное ощущение бодрости и звенящий азарт.

— А кто у нас Сашка? — спросил я, напивая плетение восстановительной энергией.

— Ткачук, куратор их... Ой, мамо!

Обгоревший дом ослепительно вспыхнул, мы с Дидько разлетелись в разные стороны и

рухнули прямо в снег. Ладонь свело судорогой, тут же заныл затылок, которым я обо что-то приложился. М-да, перестарался.

Двухэтажное здание стало чуть лучше, но ненамного. Но хотя бы пропала дыра в крыше, уже приятно.

Дидько присвистнул:

— Вот паскудники, приложили же... Но и за крышу спасибо.

Он так и сидел в сугробе, видимо, не собираясь вставать. Меня неожиданно прошиб холодный пот, я резко обернулся, не понимая, что случилось.

— Так-так, — прогремел низкий голос.

Подняв голову, я увидел опирающегося на подоконник Вий-Совяцкого. Прищурившись, он смотрел на вмиг побелевшего Дидько.

— Используем силу, Жорж Гаврилович? Работаем руками?

Дидько сглотнул и закивал, но, явно прикипев к месту, не мог даже встать. Я тоже замер, не зная, что делать. Взгляд у ректора и впрямь был... страшный. Это что ж за силища?

— Зайдите ко мне, ведомость прихватите. Побеседуем.

— Бегу, Павел Константинович, — просипел Дидько, с кряхтением пытаюсь встать.

Я ухватил его за шиворот и помог подняться.

— Спасибо, — выдохнул завхоз.

— А вы, Чугайстрин, если страдаете топографическим кретинизмом, носите с собой план университета! — прогремело так, что невольно пришлось вжать голову в плечи.

— Да-да, понял, — пробормотал я, глядя, как Дидько трусцой бежит к корпусу, а потом, не теряя времени, быстро ухватил свои вещи и пошел искать общежитие. Нарываться на ректора больше не хотелось. Впрочем, леденящий взгляд провожал меня еще долго.

* * *

Полтавский национальный университет магии — заведение с традициями, выпускным шабашем и хорошей репутацией. Характерники^[2], злыдни^[3], мольфары, провидцы и ведьмаки, отучившись пять лет, получают высшую квалификацию и направления на рабочие места. Получить же направление в сам университет достаточно сложно. Сюда отбирают по принципу, который для меня так до сих пор и остается загадкой. Если б не твердая рука отца, еще неизвестно, что б могло быть.

Преподавательское общежитие оказалось местом приятным, даже каким-то... домашним. Комендант, сухонький седой старичок, встретил меня с улыбкой. Вручил ключ, но толком ничего рассказать не успел из-за требовательно зазвонившего телефона. Потому лишь махнул в сторону коридора и быстро с кем-то заговорил.

Выделенная мне комнатка оказалась довольно уютной. Мебели по минимуму: шкаф, стол, стул, две кровати. Портрет Гоголя на стене, что неудивительно. Темно-коричневые шторы полностью закрывали окно, словно в него смотреть не стоило. Я сделал было шаг вперед, но в коридоре что-то грохнуло. Послышались охи коменданта. Чуть пожав плечами, я двинулся к свободной кровати и опустил сумку. В любом случае радовало, что здесь порядок. Аккуратный сосед — всегда лучше неряхи.

Время пролетело незаметно, неоднократно упомянутый Ткачук не появлялся. Решив, что познакомлюсь позже, я лег спать. Рано вставать — это та еще проблема.

Сон приснился на удивление приятный. Белеющие в темноте округлые плечи, изящные руки, стягивавшие с меня брюки. Пухлые губы с весьма довольной улыбкой. Черные волосы холодили мою шею; в них я тут же вплеп пальцы. Воздух наполнился ароматом ландыша. Карие глаза смотрели прямо, с едва уловимой смешинкой. Она вжалась всем телом, меня окатило жаркой волной. Горячая, дурманная, сладкая.

— Какой ты... — промурлыкала она на ухо и прихватила зубами мочку. — Ой! Что это?

Я вздрогнул от неожиданности. Черт, это не сон! Девушка чуть отстранилась и смотрела на меня огромными глазами.

— А в-в-вы вообще кто?

Ее голос вмиг растерял все мурлычущие нотки. Запах ландыша вдруг стал удушающим.

— Тот же вопрос могу задать и вам, — хмыкнул я. — Перепутали комнату, милейшая?

Я чуть приподнялся на локтях и едва не присвистнул: из одежды на ней ничего не было.

— Не знал, что тут одобряется такое поведение, — и не смог не отметить: — Хотя фигура у вас что надо.

Она ойкнула, попыталась прикрыть руками грудь, побледнела и... рухнула в обморок.

Ступор длился пару секунд. Ругнувшись, я вскочил с кровати и осмотрел девушку. Этого еще тут не хватало! Хм, что-то старовата для студентки, хотя хороша, ничего не скажешь. Медленно провел рукой над ее грудью, которая не вовремя поднялась в глубоком вдохе. Ладонь укололи тысячи иголочек. Дурманное заклятье. Чувственное, если не ошибаюсь. Только вот с привязкой на полное вытягивание сил. Кто ж ее так?

Прошептал несколько слов, шевельнул пальцами. Тут же вспыхнуло несколько светло-зеленых шариков, мигом разделившись на мириады тонких нитей и опутавших тело девушки причудливым кружевом. Накинув на нее покрывало, я быстро пошел к коменданту.

Правда, моя история его не впечатлила.

— Говорите, девушка? — переспросил он, шагая со мной по коридору.

— Да.

— Ну, это нормально, — последовало утешение.

— Нет, не в этом дело, — раздраженно бросил я, открывая дверь и пропуская в комнату. — Дурманное заклятье. Что мог — нейтрализовал, но я не целитель.

Комендант остановился на пороге.

— Ну? — поторопил я.

— Свет хоть включите.

— Свет?

Не сразу дошло, что вопрос звучит глупо, а на меня смотрят с крайней подозрительностью. Выругав себя за оплошность, я быстро щелкнул выключателем. Комендант охнул. Простыня с девушки каким-то немислимым образом сползла.

— Что? — покосился я. — Кто это?

Комендант подлетел к кровати, всплеснул руками:

— Александра Евгеньевна, как же так! Ничего не понимаю!

Стало нехорошо, радовало, что рядом стена. Студентку так величать точно не станут. Еще надеясь, что ослышался, я медленно уточнил:

— Какая Александра Евгеньевна?

Комендант быстро повернулся ко мне:

— Соседка по комнате ваша! Куратор третьего курса.

Я чуть не грохнулся на пол. Что? Неоднократно упоминавшийся Ткачук — это? То есть

эта? То есть какого в одной комнате живут мужчины и женщины? Хотя отец предупреждал, что здесь странные порядки. Но не настолько же!

— Я за целителем, — бросил комендант, выбегая из комнаты. — Ждите.

Некоторое время царила тишина. Подняв голову, я встретился с внимательным взглядом покойного Гоголя. Писатель вдруг хитро подмигнул. Я вновь посмотрел на лежавшую на кровати. М-да. Однако, весело началась моя жизнь в университете.

* * *

Утро прошло спокойно. Мольфарский поток составляли в основном любознательные молодые люди. Занятие подходило к концу, я был приятно удивлен познаниями многих студентов. Они действительно интересовались, никто не спал на лекции.

Я глянул на часы.

— Через три минуты звонок. Есть вопросы?

Рыжая веснушчатая девчонка с первой парты подняла руку.

— Вы упоминали про практику в лесу и чугайстра, — звонко разлетелся голосок по аудитории. — Ваша фамилия... — она вдруг смутилась.

— Хотите знать, имеет ли какое-то отношение? — улыбнулся я и взглядом пробежался по журналу. — Что ж, очень даже может быть. Мои предки всегда жили возле леса. Фамилия могла так и образоваться. Но достоверных данных мне не попадалось, поэтому утверждать не стану.

Звонок оборвал мой рассказ. Студенты выходили из аудитории. У входа я столкнулся с рыжей.

— Извините, Андрей Григорьевич, — пробормотала она.

— Ничего, — хмыкнул я, — смотри под ноги.

Она почему-то покраснела, хотела что-то сказать, но какой-то проходивший мимо верзила вдруг дернул девушку за руку.

— Динка, не заглядывайся на старшекурсников, мала еще! — захохотал он. Такой же рыжий и с веснушками. Брат?

Она что-то возмущенно пискнула, но тут же была утянута рыжим в толпу.

— Прости, лохматый, не для тебя эта розочка цветет, — услышал я брошенную фразу.

После пары секунд стояния столбом меня разобрал неуместный смех. Надо же, приняли за старшекурсника. Однако, дела. Конечно, брутальностью я не выделяюсь, и волосы действительно длинные, но чтоб так?

Оставив ключ подоспевшему старосте группы характерников, я направился к лазарету. Александру временно поместили именно туда, мотивировав огромным упадком сил. Вчерашнее знакомство было из ряда вон, поэтому неплохо бы его повторить.

Быстро покинув корпус ведьмаков, я пересек засыпанную снегом площадку и столкнулся нос к носу с Дидько.

— В лазарет? — спросил он, улыбаясь во весь рот.

— Э... — оторопел я, — да. А вы откуда знаете?

Улыбка стала еще шире, он обогнул меня, хрустя снегом под рабочими ботинками.

— Так все уже знают!

Ничего себе новость! Дидько больше ничего не говорил, а я ускорил шаг. Отличненько.

Еще не хватало, чтобы меня во всем обвинили.

Стоило войти в темный коридор, как зазвонил мобильный. Секретарь, у-у-у.

— Андрей Григорьевич! — ворвался в мою голову громкий голос. — Немедленно зайдите к ректору. Срочно, после этой пары.

Я сделал глубокий вдох, стиснув зубы.

— Так срочно или после этой пары?

— Не задуривайте мне голову! — рявкнула Языкатая. — Делайте, что говорю!

Не успел я возразить, как из трубки донеслись короткие гудки. М-да уж. Как он терпит ее только? Порой казалось, что Языкатая может построить самого Вий-Совяцкого.

— Васька, ты что, настолько идиот? — неожиданно раздалось шипение совсем рядом.

Я чуть не подпрыгнул, но потом сообразил, что нырнул в нишу в стене, пока говорил с Языкатой.

— Да откуда я мог знать? — тут же возмущился знакомый голос. — Ну помаялась бы немного, да и дело с концом. Откуда в комнате-то мужик взялся? Ведь заклятие на это не рассчитано!

— Угу, молодец! — второй говорил так, словно хотел уничтожить собеседника словами. — Ты хоть представляешь, что будет, если они начнут искать?

«О, — подумал я, — можете не сомневаться. Уже ищут».

— Это да-а-а... — тяжкий вздох. — Борь, но что делать? Разве что попытаться следы замести? Раз до сих пор в лазарете, значит, не все ушло.

— Идиот, — высказался Боря. — Если эта злыдня пронюхает, она же нам бошки поотрывает сразу! Пошли!

— Нечего было у меня курсак не принимать!

Послышался звук затрешины, а потом шаги.

Я осторожно выглянул и отметил знакомую рыжую шевелюру. Хм, значит, розочка цвела не для меня? Что ж, познакомимся поближе.

Из здания лазарета мы никуда не выходили. Студенты принялись спускаться в подземные лаборатории, где проводилась основная часть опытов факультета злыдней. Надо же, чтят технику безопасности. На всякий случай накинув на себя полог невидимости, я последовал за ними. Рыжий продолжал что-то виновато бубнить, а Боря — щупленький и низенький — не прекращал его шпынять.

Открыв одну из дверей, они зашли в прохладное темное помещение. Вася щелкнул пальцами, появилась огненная спиралька, осветившая сто лет не прибранный класс. Неудивительно, что здесь решили промышлять безобразиями, видимо, давно уж никто не заходил. Усевшись на парту, я с любопытством посмотрел на ребят. Итак?

У Василия в руках появилась черная сфера, внутри которой плясали серебристые всполохи. Прикрыв глаза, он медленно читал заклинание. Боря тоже не стоял сложа руки, а расчерчивал воздух переливавшимся алым светом символами. В воздухе завитал аромат ландыша. Такой же, как и сегодня ночью.

Я прищурился. Идея хорошая, только исполнение — не ахти. Серебро в сфере призовет остатки заклинания, а не уничтожит. Если пани Ткачук сюда сейчас прибежит, не завидую этим оболтусам. Сделав несколько движений пальцами, я послал в сферу ступок напитанного энергией воздуха.

Алые символы метнулись к сфере, охватили ее со всех сторон. Сфера начала набухать, разрастаться, грозя заполнить все помещение.

— Ой... — охнул Вася.

— Дурак! Ты что наделал? — заорал Боря. — Сейчас бахнет же!

Вася вякнул что-то невразумительное. Я резко спрыгнул и расчертил воздух решеткой отрицания. Сфера сдулась, словно воздушный шарик. Покров невидимости рассеялся, студенты смотрели на меня с разинутыми ртами.

Первым очнулся Боря:

— А в-в-ы кто?

Вася только покосился, но ничего не говорил. После вышедшей из-под контроля сферы и того, как я ее уничтожил, умничать не стоило.

— Видите ли, — хмыкнул я, — я, собственно, и есть тот самый мужик, который вдруг оказался в комнате вашего куратора.

— Мамо, — просипел Вася, медленно съехав по стене.

— Нет, не мама. Моя фамилия Чугайстрин. Зовут Андрей Григорьевич. Преподаватель. Это так, для общего развития.

Васька икнул, но, так как уже сидел, позы не изменил. Боря попятился, потом тяжело вздохнул и закусил нижнюю губу. Я держал паузу, поглядывая на обоих оборотов. Было интересно, кто заговорит первым.

— Что... — все же начал первым Боря, — как... вы... нас отчислят?

Я сложил руки на груди, молча глядя на парня. Он смотрел на меня с видом загнанного, но гордого зверька.

— Ну-у-у-у-у... — Повисла пауза, парни напряглись. — Вы ремонт умеете делать?

— Что??? — хором выдохнули оба.

* * *

Дидько с довольным лицом смотрел на пыхтящих студентов, старательно таскавших камни.

— Андрей Григорьевич, это ж как же вы их-то заставили? Сами прибежали ко мне, предложили помощь. Случайно услышал, что это по вашей указке.

Я хмыкнул, поглядывая на парней.

— Знаете, Жорж Гаврилович, труд, он ведь облагораживает. Ну и... дает возможность искупить вину. Человек — создание подверженное. Его научить плохому — враз. А отучить — практически невозможно.

Дидько хихикнул:

— Это точно. Кстати, а как вы в темноте-то видите?

Внутри все похолодело. Черт тебя заведи! Значит, о моем самоуправстве все известно! Но...

Дидько подхватил меня под локоток и медленно повел к выходу.

— Вы не удивляйтесь, Андрей Григорьевич, я все знаю, что в этих стенах делается. У меня по линии матери домовые были. Но не в этом дело... Все же... как?

Некоторое время я молчал, но потом заправил за ухо прядь волос. Дидько остановился как вкопанный. Тихо присвистнул.

— Вот это да!

Я кивнул, некоторое время молчал, собираясь с духом и ругая себя, что попался не хуже

пакостников-студентов.

Дидько тем не менее был крайне озадачен.

— Быть не может. По уставу нельзя ж в университете не местным работать!

Правду говорить не хотелось, но лгать не стоило точно. Поэтому пришлось отвести взгляд от пошарпанных стен и тихо признаться:

— Мой приемный отец — чугайстр. Настоящие родители погибли, а он — воспитал. Я вырос в Ивано-Франковске. Поэтому не совсем уж... чужак. Вот папа и походатайствовал. А так... вряд ли бы взяли.

Дидько некоторое время обдумывал мои слова.

— А отец ваш... не Григорий Любомирович, часом?

Я с удивлением посмотрел на него:

— Он самый. Откуда вы знаете?

Дидько усмехнулся:

— Я всех основателей ПНУМа знаю, Андрей.

Пока я соображал, что к чему и насколько же я влип, Дидько задал еще один вопрос:

— Кстати, а почему Александре-то не сдал этих балбесов?

Я уставился в пол, чувствуя, что, будь постеснительнее, покраснел бы до тех самых острых кончиков ушей. Однако выпрямился и улыбнулся:

— Ну-у-у-у, понимаете, такого приятного знакомства с коллегой у меня еще никогда не было. А после него не грех и развить отношения дальше. Деловые, разумеется.

Глава 2

Студентка под покровительством

Павел Константинович Вий-Совяцкий предпочитал прогулки пешком. По университету. Шел степенно и неторопливо, сложив руки за спиной. Из-за поворота сначала появлялся значительный живот и уж потом — все остальное. Шел немного вразвалочку, наблюдая из-под полуприкрытых век за студентами и преподавателями. И те, и другие невольно вытягивались по струнке, когда ректор проходил мимо.

— Ой. — Дина попятилась к стене. — Павел Константинович, здрасте!

Я поднял голову от ее практической работы, хмуро глянул вперед и встретился с невыразительным взглядом голубых глаз. Впрочем, невыразительность — не совсем подходящее слово. По спине пробежал холодок. Вий-Совяцкий умел видеть насквозь.

— Помогаете студентке? — спросил он и, заметив мой кивок, продолжил: — Похвально, Андрей Григорьевич. После этой пары жду вас у себя.

Не дожидаясь реакции, медленно пошел дальше, величественно отвечая на приветствия студентов. Я мысленно выругался. Как всегда, совсем в неподходящий момент. А ведь Сашка хотела показать мне лаборатории злыдней. Эх, нет в жизни счастья. Я снова уткнулся в практическую работу.

— Дин, смотри сюда. Природные силы у тебя замыкаются в круге, вот и нет результата. А должен быть постоянный контакт для подпитки. Ясно?

Дина быстро закивала:

— Да, но как?

— Так. — Я быстро набросал в углу листа схему для пропускания энергии. — Попробуй это, только осторожно.

— А на людях можно? — вдруг оживилась она.

Я озадаченно уставился на студентку:

— А конкретнее?

Динка опустила голову, забирая у меня из рук свою практическую.

— На Ваське, достал уже.

Я только хмыкнул:

— Васька — не люди, можно.

Она широко распахнула желтые глаза, потом хихикнула, прижав почерканную работу к груди.

— Так точно! Спасибо, Андрей Григорьевич!

Я только посмотрел ей вслед: маленькая, юркая, бойкая. Просто огонек на ветру. По характеру совсем не похожа на брата. Такой старосте вся группа радуется. И это не глядя на то, что может и с Багрищенко повздорить, и с Яровой что-то не поделить, и списать не дать. Не очень хорошо, когда в группе несколько лидеров и каждый тянет одеяло на себя, но к Динке все равно все относятся хорошо.

Вздыхнув, я быстро пошел в столовую. Все же на голодный желудок лучше не вести предмет. На носу, точнее, на шестой паре у меня лекция у провидцев, а эти ребята могут любого довести до белого каления.

В столовой пахло свежей сдобой и голубцами. Буфетчица — Горпына Петровна Пацюк — дама зрелая, размеров из приятных, стремящихся к дородным, в белом фартуке и

накрахмаленном чепчике, что-то сосредоточенно вычеркивала из ведомости.

За столиком в углу сидела Сашка. Увидев меня, помахала ложкой, мол, иди сюда. Быстро преодолев разделявшее нас расстояние, уселся рядом.

— Чего вид такой загнанный? — поинтересовалась она, не прекращая есть.

Я провел ладонями по лицу.

— Знаешь, после первого курса это неудивительно. Они мне чуть чучело не сожгли. Хотя тренировались вызывать дождь.

Сашка хихикнула:

— Майся-мучайся. Как я в свое время. Только мои, — она поморщилась, — до сих успокоиться не могут.

Я сделал вид, что не понимаю, о чем речь. О знакомстве мы больше не заговаривали и делали вид, что все идет так, как должно быть. И не было любовного зелья.

К нам приблизилась Пацюк, посмотрела на меня сверху вниз со страстным желанием накормить.

— Уж никак голодать решил? — прозвучало настолько грозно, что захотелось пригнуться.

— Нет, Горпына Петровна, что вы, — пробормотал я.

— Тогда чего мимо проходишь?!

— А он поздороваться, — нашла Саша, с трудом сдерживая улыбку.

— Здороваться — потом, — отчеканила Пацюк, — питание куда важнее. Жди.

Я шутливо поднял руки, показывая, что сдаюсь. Она только покачала головой.

— Ох, молодежь, совсем о здоровье не думаете.

Продолжая бурчать под нос, буфетчица пошла к стойке.

Саша проводила ее внимательным взглядом. Потом облегченно выдохнула.

— Ты ей лучше не перечь — хуже будет. Я раз села на диету, так меня потом к ректору потащили с визгами, что загнобили молодой кадр и он теперь есть отказывается. Еле отбилась.

Упоминание о Вие заставило поморщиться.

— Не поминай, а то явится. Мне скоро к нему идти.

В темных глазах Саши заплескалось беспокойство.

— Что случилось?

— А черт его знает, — мрачно отозвался я и тут же смолк. А стоило ли упоминать Дидько?

На стол медленно опустилась глиняная пиала с глубоким бортиком, наполненная до самой красной каемочки варениками. Рядом с глухим стуком легла плоска со сметаной. Вареник вылетел из тарелки и, завертевшись, плюхнулся в сметану.

— Предпочитаю есть сам, — сообщил я, беря вилку. Вареник виновато повесил ушки и замер. Сашка молча взирала на эту картину.

— Однако, — пробормотала она с легкой ноткой обиды. — А меня не слушают.

— Просто ты плохо себя ведешь, — пробормотал я, принимаясь за еду. — А о танцующих варениках буфетчицы Пацюк слухи ходят по всей Полтаве. М-м-м, с капустой у нее особенно хороши!

Саша отставила тарелку и, подперев щеку кулаком, внимательно посмотрела на меня.

— Откуда? Ты ж говорил, что не местный.

— Не-а. Но часто гостил.

— И как?

Я поднял руку и показал большой палец, продолжая шустро разбираться с кушаньем. Пацюк готовила — пальчики оближешь. Неудивительно, что студенты не пугались ни летающих вареников, ни подпрыгивающих голубцов, шустро сновавших над тарелками. С разносчиками тут не сложилось, а очереди Горпына Петровна терпеть не может, потому вся еда к парням и девчонкам добиралась самостоятельно. Полеты тарелок и столовых приборов не прекращались даже тогда, когда в столовую входил Вий-Совяцкий. Скорее уж становилось еще оживленнее, ибо раз появился ректор, значит, надо скорее обслужить. Обед у него всегда был важным событием: миска борща со сметаной, свежие подрумяненные пампушки с чесноком, нарезанное на блюде соленое сало. Отдельно тарелка с изумительной квашеной капустой с клюквой. Огромную красную кружку с горячим чаем Вий-Совяцкий выпивал только после того, как управлялся с обедом. Последнюю пампушку всегда заворачивал в столовскую салфетку и уносил с собой. Никто так и не знал, зачем и кому он это носит.

В первый раз его появление в столовой напрочь отбило аппетит, однако, поглядев на довольно трескавших рядом ребят, я понял, что это не опасно. Хоть и не студент, но железной уверенностью не обладал. Особенно в нескольких метрах от сурового ректора.

Только спустя неделю прошла неловкость, и я научился не обращать за едой ни на кого внимания. Вздохнув, тоскливо уставился на оставшиеся вареники.

— Ну, не переживай ты так, — улыбнулась Саша. — Вечером все посмотрим. Не убьет же он тебя!

— М-да, утешила. А что, были уже кого... того?

Она чуть поморщилась и убрала за ухо черную прядь, потом принялась рыться в сумочке.

— Убить — нет, а вот уволить — да. Но это даже хуже, потому что без права восстановления. Вий-Совяцкий хоть и строг, но без причины козни строить не станет.

Я поперхнулся и закашлялся. Вот не зря сегодня всю ночь проворочался, думая о своем предшественнике. Кто был куратором мольфаров? Почему покинул их среди года? Или все же не он сам ушел, а его... ушли?

— А что может стать причиной? — осторожно спросил я.

Сашка принялась сосредоточенно красить губы. На некоторое время повисла тишина. Удовлетворившись наведенной красотой и надлежащим цветом, она сунула зеркальце и помаду в косметичку.

— Разное. К преподавателям тут требования куда строже, чем к студентам. Вий-Совяцкий в штыки воспринимает все, что может грозить его студентам. Даже репутация заведения — это не то. А вот учащиеся... — Саша смолкла и вздохнула. — Была тут история...

Она вздрогнула от резко затрезвонившего мобильного.

— Кому еще не спится, — пробормотала Саша, беря трубку.

Надежда, что собеседник скажет пару слов и она продолжит историю, не оправдались. Тот оказался говорлив не в меру. И когда на меня бросили беспомощный взгляд, я понял, что лучше удалиться.

На выходе из столовой глянул на время. Ни туда ни сюда. Плохо. Придется пополачиваться возле ректорской двери. Медленно пошел по коридору и внезапно вспомнил, что завтра обещал устроить своим сюрприз. Любые знания лучше получать на практике — теория может дать лишь общее представление.

Свернув налево, в темный узкий коридорчик, я быстро прошел несколько дверей, направляясь в самый конец. Дверь в библиотеку оказалась приоткрытой, в нос ударил запах старой бумаги и пыли. Внутри было просторно, ряды столов уходили вдаль. Честно говоря, даже не мог представить, как так выходит: то ли обман зрения, то ли с помещением и впрямь что-то не так. Изнутри оно казалось куда больше, чем снаружи.

Библиотекарь отсутствовал, настольная лампа бросала желтый густой свет на раскрытый разворот журнала «Бесы и ведьмы». Рядом лежали круглые очки с толстыми стеклами.

Решив, что разберусь и так, я подошел к шкафу с пометкой «Мольфары». Корешки книг, потрепанные и старые, угрюмо взирали на меня сверху. Мол, пришел еще один, нет нам покоя. Интересно, скольких уж преподавателей они тут повидали?

Синяя брошюра с золотым тиснением, считай, сама прыгнула в руки. Открыв, я изумленно уставился на страницы: новые, лощеные, касаешься пальцами — будто кожу гладят. Кирилл Громов «В тени Лысогорья». Имя ничего не сказало, да и название тоже. Пролистав брошюру, понял, что это какое-то исследование на манер дневника. Удивлению не было предела: откуда здесь такое? Может, кто из студентов пошалил и сунул на полку?

— Кхе-кхе, — послышалось за спиной, — что мы тут выбираем?

Сжав брошюру, я быстро обернулся и встретился с внимательным взглядом черных глаз. Библиотекарь едва достигал мне плеча, имел крючковатый нос, торчащие в разные стороны седые волосы и извечную ухмылку на губах. Одевался во все темное и мешковатое, но при этом все равно напоминал гнома из сказки. Пусть даже и не совсем обычного гнома.

— Добрый день. Мне бы что-то для первого курса мольфаров, с базовой практикой.

Кряхтя и охая, библиотекарь приблизился к своему столу и нацепил очки.

— Демонстрировать будете? — важно поинтересовался он, слюнявя палец и открывая огромный журнал.

— Да-да, — ответил я, пытаюсь осторожно положить брошюру назад.

— Берите, — неожиданно сказал он, и я озадаченно обернулся:

— Что?

— Книжицу, что назад пытаетесь пристроить, — пояснил библиотекарь, склонив голову и что-то записывая. — Может, не лучший материал, но лишним не будет. Пойдите тут, я сейчас.

Он шустро нырнул куда-то между шкафами. Пока я пытался сообразить куда именно, библиотекарь вернулся и всучил мне в руки толстенный том в кожаной обложке.

— Вот это самое оно. Распишитесь мне осе^[4]. А то книг понабирают, а потом бегай за ними.

Я молча поставил подпись, зная, что спорить нет смысла. Кому какая разница, что человек я приличный и всегда возвращаю то, что не мое?

— Вот и славно, — пробубнил он, усаживаясь за журнал и начиная листать страницы.

Я еще раз посмотрел на темное местечко между шкафами и все же не выдержал, любопытство победило:

— Скажите, а куда это вы исчезали?

Он крякнул и посмотрел на меня поверх очков. Взгляд внезапно оказался удивительно цепким и пронзительным.

— Заметил, — хмыкнул. — Ишь какой. Внимательный.

Я чуть пожал плечами, мол, что есть, то есть.

— Так куда?

— Туда, — невозмутимо ответил он. — Не все книги можно видеть студентам. Поэтому, как только управитесь, назад сразу.

Заверив, что все понял, я покинул библиотеку. Чудом успел заскочить к себе, чтобы оставить книги — не хватало еще, чтобы Вий-Совяцкий начал умничать по поводу моей методики. Меньше знает — крепче спит.

В общежитии было тихо, многие преподаватели еще вели пары. Впрочем, к Вий-Совяцкому я прилетел, едва не опоздав. Звонок раздался именно тогда, когда моя рука легла на ручку ректорской двери. На мгновение к горлу подкатил комок. Сглотнув, нахмурился и отогнал панику. Нечего тут, а если заставит собрать вещи... Нет, не буду об этом думать.

— Разрешите?

— Заходите, Чугайстрин, — донесся низкий голос.

Вий-Совяцкий стоял возле окна и поливал кактус. Кактус выглядел крайне печально: почерневший, с загнутыми колючками и бледно-желтым подвявшим цветком. Когда Вий-Совяцкий подходил ближе, казалось, кактус настораживался. Впрочем, было от чего.

Выгоревшая голубая лейка в виде рыбки со стуком опустилась на подоконник.

— Рассказывайте, Андрей Григорьевич.

Я настороженно посмотрел на него. Терпеть не могу такую постановку вопроса. Успеваешь вспомнить все, где напортачил и где только собрался. Неужто будет вычитывать за самоуправство с любовным заклятием?

— Что именно? — уточнил я, стараясь говорить ровно.

Вий-Совяцкий заложил руки за спину и внимательно смотрел в окно. При этом было мерзкое чувство, что затылком все равно наблюдает за мной.

— Все. Что успели узнать, что вам удалось больше всего... — Он сделал паузу. — Может, что-то не нравится.

Тон спокойный и даже доброжелательный. Поди разбери, что у него на уме, расслабляться в любом случае не стоит.

— Все в порядке, Павел Константинович. Как на новом месте. Но вникаю, к тому же есть у кого спросить, если что неясно.

Ответ получился более чем аккуратным, однако сдаваться я не собирался. Уж если и решит меня гонять в хвост и гриву, то пусть сам и начинается.

— А студенты как? Что скажете о группе?

Допрос продолжался в разрезе обычной беседы, но я нутром чувствовал: что-то не так. Только... то ли Вий-Совяцкий не знает, как к этому подойти, то ли доводит меня до нужной кондиции. Но я склонялся ко второму. В присутствии ректора мозги почему-то прекращали нормально работать.

— Хорошая группа, — выдавил я. — Ребята тянутся к знаниям, особых разгильдяев назвать не могу. Может, это пока, дальше время покажет.

— И сколько же времени вы собираетесь здесь проработать? — хмыкнул Вий-Совяцкий, медленно поворачиваясь и в упор глядя на меня. Тут же пробрал мороз, но я не отвел глаз.

— Если вы хотите знать точно, то тут лучше знает кафедра провидцев, — сам не понял, как меня понесло дерзить. — А так... настроен серьезно. Университет мне нравится.

Выражение лица Вий-Совяцкого не изменилось. Он медленно преодолел расстояние от окна к столу, сел, положил сцепленные замком руки на полированную крышку.

— Занятно, — резюмировал. — А что скажете о Татьяне Багрищенко?

Я чуть нахмурился. Хорошенькая сообразительная студентка. Чем-то напоминает синицу. Темненькая, изящная, легкая на подъем. Не дружит с общемагической историей, однако обладает недюжинной силой и с огромным усердием выполняет лабораторные работы.

Приблизительно это я и сказал, только в более официальной форме. Вий-Совяцкий достал ручку с набалдашником в виде черепа и задумчиво постучал по столу. Темные провалы глаз черепушки вспыхнули мертвенно-зеленым огнем. Хорошо хоть удалось не дернуться от неожиданности.

— Что ж, думаю, это неплохо, — наконец произнес он. — Но есть еще кое-что... и вы, Андрей Григорьевич, должны быть в курсе.

Я настороженно посмотрел на Вий-Совяцкого. Вернулось ощущение, что в кабинете вновь властвует мороз. Но на меня не обратили внимания.

— Таня находится в университете под моим покровительством.

Я молча изогнул бровь. Понятия не имею, что это такое, но явно дело серьезное, раз за это взялся сам Вий-Совяцкий.

Крохотные челюсти черепа разжались, выскользнул черный раздвоенный язык, послышалось шипение.

— Девочка способная, я рад, что вы это уже отметили. Это хорошо. Ее наследственность позволяет и без специального образования ведмачить на высшем уровне.

— Ведмачить? — переспросил я. — Вы хотите сказать, что на мольфарском отделении ей не место?

Вий-Совяцкий иронично изогнул губы, потом закатил глаза и вздохнул. Вроде ничего особенного, но мне стало стыдно до чертиков за собственную невоздержанность.

— Ваши домыслы — не мои слова. Поэтому молчите и слушайте.

Шипение стало громче, раздвоенный язычок задрожал.

— А ну цыц! — шикнул он на череп. Тот мигом смолк, лишь обиженно сверкнул зелеными глазами. Вий-Совяцкий продолжил: — Багрищенко — один из сильнейших родов ведм на Полтавщине. Тетка Тани — Оляна Багрищенко — имеет на университет зуб. Она очень хотела, чтобы племянница пошла на факультет ведмаков. Сами понимаете, мольфарское отделение — нонсенс в некотором смысле.

Я кивнул. Еще бы! Драка за первенство всегда была и будет. Неважно, кто ее затеял: мольфары с запада, характерники с востока, ведьмы из центра, провидцы с юга или злыдни с севера. Все пытаются доказать, что они лучше, только вот порой методы, кхм, оставляют желать лучшего...

— Крутостью нрава, — продолжал Вий-Совяцкий, — Татьяна уродилась в мать... покойную. Уперлась, что не станет идти по семейному пути, и решила пойти к мольфарам. Не знаю, сколько времени угробила, но сумела отыскать себе учителя. Упорно занималась и в результате поступила к нам.

Я лишь слушал, пытаюсь переварить информацию. Нет, конечно, всякое бывает, но с таким упрямством я встречался в первый раз. Тут то ли тетя до такой степени заездила племянницу, что та взбунтовалась, то ли племянница обладает воистину нравом барана и уперлась в свои ненаглядные принципы.

— Кто попадает в университет, автоматически становится под нашу защиту. Но, зная пани Багрищенко, я пообещал Тане особую защиту. Поэтому...

Вий-Совяцкий вытянул какие-то бумаги и принялся их подписывать с видом, словно и

не говорил мне ничего серьезного. Некоторое время прошло в напряженной тишине. Чувствовалось, что ректор подбирает слова, что было неожиданностью.

Наконец он вздохнул и посмотрел на меня.

— История здесь очень нехорошая. Я не могу рассказать всего, но Оляна способна на все, чтобы вернуть Таню домой. Поэтому, Андрей Григорьевич, за девочкой — глаз да глаз. Если заметите что-то подозрительное — сразу сообщайте мне. Инциденты в университете мне совсем не нужны. Понятно?

Я закусил губу. Чертово любопытство. Но если не сейчас, то вряд ли получится еще остаться с ним, чтобы задать давно интересовавший вопрос.

— Да, но... мне нужно кое-что знать.

Вий-Совяцкий прекратил подписывать бумаги.

— И что же? — слова упали, словно камни. Но отступить я не собирался.

— Павел Константинович, что произошло с куратором мольфаров моего первого курса?

Глаза Вий-Совяцкого засияли мертвенно-голубым светом. Лед, который замораживает насмерть — не вырваться. Дышать стало трудно, будто на грудь поставили что-то тяжелое.

— Он...

Дверь неожиданно резко распахнулась. В кабинете появилась Языкатая, бледная как смерть.

— Павел Константинович! Павел Константинович! Беда! Студенты отравились в столовой!

Вий-Совяцкий резко встал из-за стола и рванул к выходу. Никогда не думал, что с такой комплекцией можно так быстро двигаться. Однако, оставив размышления, кинулся следом, пытаясь отогнать дурное предчувствие.

Глава 3

Галушки по-злыдневски

В столовую я влетел вторым, едва не впечатавшись в широкую спину резко затормозившего Вий-Совяцкого. На полу лежал парень, над ним склонился врач. Точнее, университетский лекарь. Худой русоволосый мужчина без возраста и с таким же вымораживающим взглядом, как у ректора. Дурное предчувствие появилось не случайно: лежавший на полу был Виталием Красавичем — студентом моей группы.

Вокруг него стояло несколько человек. Побледневшая Пацюк только вздыхала и причитала, носясь вокруг Виталика. Никто не смел ей перечить, только лекарь недовольно морщился и в конце концов рявкнул:

— Сядь!

— Ой! — еще тяжелее вздохнула она. — Саввушка, так как же?

— Сядь, кому сказал! — рыкнул он, и Пацюк неожиданно послушалась и опустилась на первый попавшийся стул.

— Что тут? — спросил Вий-Совяцкий.

— Отравление, — мрачно ответил лекарь и кивнул стоявшим рядом парням: — Помогите мне его перенести в лазарет.

— Как управишься, мигом ко мне, — не меняя выражения лица, приказал Вий-Совяцкий.

Лекарь кивнул и быстро последовал за парнями с пострадавшим. Кажется, в отличие от собравшихся, он единственный не боялся ректора.

— Кто и что видел? — хмуро спросил Вий-Совяцкий.

Ребята принялись мяться с ноги на ногу, словно не зная, с чего начать. Или же просто терялись под его взглядом, зная, что ничего хорошего в этой ситуации не будет.

— Суп он ел, — неожиданно подала голос белая как полотно Пацюк, — с галушками. Пришел в хорошем настроении, громко говорил, шутил с Танечкой и Ирой. Я еще замечание сделала, но вы же знаете Виталика... Все в шутку обернул, а потом они сели кушать.

— Вы о Багрищенко и Яровой? — встрял я, быстро соображая, где искать девчонок и почему их тут нет.

Пацюк тоскливо посмотрела на Вий-Совяцкого, потом на меня:

— Не знаю я фамилий. Тут же всех по именам, не ставлю оценки-то...

— Опишите внешне.

— Одна маленькая такая, худенькая, — задумчиво протянула она, — темненькая. А вторая покрупнее, русую косу носит, в темно-красном свитере была.

Подозрения подтвердились: обе девочки из моей группы. Вий-Совяцкий указал развесившим уши студентам на выход. Те, даже не думая возражать, быстро направились к дверям.

— Как долго они сидели? — тихо спросил я, понимая, что ничего хорошего в ближайшее время мне не светит.

Горпына Петровна уставилась на свои руки, нервно комкавшие передник.

— Не считала я, Андрей Григорьевич. Успела заметить, что Ира вышла первой, Виталик с Танечкой о чем-то говорили. А потом и она убежала. В общем, когда... — она сделала глубокий вдох, — когда Виталик упал, то уже рядом никого не было.

Ерунда какая-то получается. Я бросил мимолетный взгляд на Вий-Совяцкого. Логично бы начать спрашивать про еду — ведь хозяйка столовой знает про нее все, но он не торопился. Ладно, молчит — его проблемы.

— Горпына Петровна, а... — начал было я, но Вий-Совяцкий сделал тяжелый шаг вперед, и пришлось невольно вздрогнуть. От него исходила волна такой силы, что стало не по себе.

— Оставьте нас, Андрей Григорьевич, — произнес он, не отрывая глаз от понурой Пацюк. — Мы побеседуем без вас.

— Но, — возразил я, — это же моя группа.

— Андрей Григорьевич, — Вий-Совяцкий медленно повернул голову в мою сторону, и по спине пробежали мурашки, — я сказал: пошел вон.

В другое время у меня нашелся бы ответ, но сейчас, стиснув зубы, развернулся на каблуках и быстро пошел к двери. Провались ты на месте, дубина лысая! Злость поднималась изнутри, готовая разорвать на части.

Я сжал кулаки и сообразил, что вылетел на улицу. Морозный воздух несколько отрезвил. Как-то сразу даже не заметил, что лицо будто горит. Сделал глубокий вдох, прикрыв глаза. Так, спокойнее, нечего вспыхивать, словно девица на первом свидании.

Ситуация не из лучших, но все же можно начать соображать. Пока Вий-Совяцкий говорит с Пацюк, мне точно ничего не светит. Вероятно, придется ждать и его беседы с лекарем. Другой вопрос, что за мной никто не смотрит, следовательно, и делать можно, что посчитаю нужным. Вконец замерзнув, я взбежал по ступенькам крыльца и зашел в здание. Одеться — и в общежитие. Уже оттуда подумаю, как быть дальше. Все равно ничего особо умного не приходило в голову. Разве что... Я быстро вынул из кармана телефон и принялся пролистывать контакты.

— Где же ты у меня? — скрипнул зубами, зная, что этот номер у меня точно есть. Он, конечно, сразу пролетел, и пришлось крутить список назад. Длинные гудки несказанно раздражали, я едва не начал расхаживать из стороны в сторону.

— Алло? — озадаченный, чуть встревоженный голос.

— Дин, скажи мне, пожалуйста, телефон Тани, — произнес я, не вдаваясь в подробности.

— А... Андрей Григорьевич, — ошарашенно пробормотала она, — да, сейчас, минуточку.

* * *

Заклинание упорно не хотело запоминаться. Я перевернулась на другой бок и, подперев щеку кулаком, принялась читать вслух:

— Природная сила, активированная при помощи замкнутой энергетики, приходит в движение в процессе...

Дверь тихо открылась, и в комнату зашла Танька. Задумчивая и какая-то растерянная. Я отложила книгу, внимательно посмотрела, как она подходит к своей койке и садится. Обычно она влетала, едва ли не распахивая дверь ногой, а тут...

— Тань, ты чего? — тихо спросила я, садясь на кровати и нащупывая ногами тапочки. Темно-синие глаза мельком глянули на меня. Хм, вот я к ценительницам женской красоты

совсем не отношусь, но Танька... Самая красивая девчонка первого курса. Волосы черные, кожа бледная, сама тоненькая, будто фея из сказки. Где-то одного со мной роста. Вреднющая, правда, что твоя Хвесья Харлампиевна. Оно и неудивительно, ведьма, знаете ли, везде ведьма. А о Багрищенко даже в таких глухих местах, как наши, можно услышать. Не в смысле, что совсем глухих, а в смысле, что у нас ведьм почти нет. Я ей даже малость завидую — хороша, глаз не отвести.

Сразу Васька даже просил познакомиться, только ничего из этого не вышло. Танька умна, ей этот оболтус ни к чему. Нет, я люблю брата, но это все равно не меняет того факта, что он оболтус. Чего только стоит их деяние с Ткачук! Для меня до сих пор загадка, как это никто из преподавателей ничего не разнюхал.

— Не знаю. — Она протянула руку и вынула из-под подушки длинный изящный кинжал с черепом на рукояти. — Что-то нехорошо себя чувствую. Ранее такое было только тогда, когда родня брала меня в лес в ночь Корочуна. А тут... — Таня передернула плечами и медленно провела острием по ладони, словно рисуя какие-то невидимые символы.

Я молча смотрела на происходящее. Оружие в университете запрещено, но Таня на особом счету у ректора. Поэтому каким-то образом умудрилась перепрятать эту вещицу, так что никто, кроме меня, ее не видел.

— А на что похоже? — пришлось уточнить, ибо больше она явно говорить не хотела.

Таня вновь повела плечами, а потом с силой воткнула кинжал в крышку стола. Даже звякнул стоявший на ней стеклянный графин с водой.

— Не знаю. Муторно — и все тут. Виталька уж и так и этак пытался развеселить, только мимо все. Идет какая-то пакость на нас.

— Надо было в провидцы идти, — мрачно отозвалась я, вставая и разравнивая юбку. — Если уж они молчат, то кто нам поверит?

— Но в прошлый же раз, — начала было она и тут же осеклась.

Я вздохнула. Неприятный разговор, лучше его не продолжать. Но и факты бессмысленно отрицать. Ее предчувствие беды месяц назад не подвело. Поэтому очень хотелось, чтобы в этот раз Таня все же обманулась.

— Что предлагаешь сделать? — спросила она, бестолково крутя кинжал в руках.

— Пока молчать, — пожала я плечами. — К тому же мы понятия не имеем, как поведет себя этот новенький. Вдруг сразу к Вию поскачет?

— Я не боюсь Вия, — мрачно отозвалась Таня, — ты же прекрасно это знаешь.

Возразить было нечего. Я засунула книжку на полку, едва не уронив контурные карты энергетика. Тьфу, гадость какая. Терпеть их не могу! Танька ухватила с блюда яблоко и со вкусом в него вгрызлась.

— Ты же прекрасно понимаешь, что тихо после произошедшего не будет, — сказала она.

— Это да, — пробормотала я и вдруг замерла от озарившей мысли: — Тань, а вдруг он не в курсе вообще?

Багрищенко даже поперхнулась и закашлялась. Пришлось сесть рядом и похлопать ее по спине.

— Динка, ты чего?

— Слушай... — Я помедлила, пришедшая мысль казалась уж совсем нелепой, но и отрицать было нельзя. — А если Чугайстрин не знает, что у нас произошло?

Танька скептически изогнула бровь и покачала головой. Потом снова хрустнула яблоком.

— Бред, не может быть. Или, думаешь, Вий может кинуть его в омут с головой?

Я пожала плечами:

— Не знаю, честно. Только есть ощущение, что что-то с ним не так. Ты обращала внимание, как он двигается?

Танька на секунду задумалась, но потом кивнула:

— Да. Хорошо выходит. И реакция получше многих будет. Когда мы чучело сожгли, помнишь, как отпрыгнул в сторону?

— Угу-у-у-у, — протянула я и вздохнула. — Жалко только ауру его не прощупать. Препода же... Фиг подкопаешься...

Таня поморщилась и отложила огрызок.

— У них защита будь здоров. Хотя... есть вариант. Не исключено, что за этим смазливый личиком спрятано что-то интересное.

Я деликатно промолчала. Возможно. Ну, почти блондин, волосы носит длинные, черты лица ближе к миловидным. Глаза огромные, зеленые, как Васькин амулет из нефрита. Одевается по-молодежному, но ведь это не так странно — ему не более двадцати пяти. Конечно, он ни в какое сравнение с Кириллом Сергеевичем не идет, но все же...

— Надо будет на факультативку напроситься к нему, что ли, — задумчиво произнесла Танька.

— Зачем? — оторопела я.

— Дурища, — хмыкнула она, — один на один, да еще на дополнительном занятии каждый препода будет выкладываться больше. А следовательно, сумеет и неосторожно раскрыться. Хоть чуть-чуть. А мне много не надо.

— Сама дурища, — обиделась я, — к тому же... ты ж отличница, где логика что-то подтягивать?

— Скажу, что запуталась в... в... — Танька сама задумалась, ибо прикидываться дурой в ее таланты явно не входило. — Ладно, придумаю что-то. Хорошим девочкам препода всегда поможет.

Я фыркнула, но ответить не успела — затрезвонил мобильный. Ухватив сумку, принялась суматошно рыться, пытаясь отыскать проклятую трубку.

— Если это Васька — убью, — тихо пообещала я.

Таня хихикнула.

Однако, увидев на экране имя звонившего, так и замерла, не в силах сказать ни слова.

* * *

К Чугайстрину мы пошли вместе. Танька хоть и храбрилась, но все же была в странно-задумчивом состоянии, поэтому я увязалась следом. Было страшно и до жути любопытно одновременно.

Наши шаги гулко отражались от стен, сверху сурово взирали с портретов светила злыдневского факультета. Знала бы, что Таня пойдет через это крыло — отговорила б. Лишний раз встречаться с Васькой не хотелось. Все же страшно поспорились намеренно и...

Неожиданно из-за угла вывернул высокий парень в темной одежде.

— Опаньки, какие девочки! — протянул он и довольно ухмыльнулся.

Неприятный тип. Венька Кормильцев с четвертого курса, злыдень. Еще хуже моего брата, потому что стремится сделать гадость холодно и расчетливо, испытывая при этом

огромное удовольствие. Васька хоть лупит сторяча, часто не думая о последствиях. А тут — нет. Даже когда стоишь рядом с Кормильцевым — холодно и мерзко, будто вдруг в болото шлепнулась.

— Изыди, — не меня выражения лица, сообщила Танька.

Мы попытались обойти его, но Венька лишь раскинул руки, словно хотел обнять обоих. Оно и неудивительно — по сравнению с этой дылдой мы что два воробушка.

— Королева моего сердца, за что же так? — Ухмылка Веньки стала больше похожа на оскал. В карих глазах блеснуло что-то очень нехорошее. Ни для кого не было секретом, что четверокурсник запал на первокурсницу, которая его и за человека не считала.

— Мы спешим, — хмуро вставила я, — нас куратор ждет.

Чуть приукрасила этим «нас», но Кормильцеву этого знать не положено. Венька положил руку Тане на плечо и хмыкнул:

— Надо же. Продолжаешь, что ли, красавица? Одного мало было? Или у тебя такое хоб...

Танька сбросила его руку и ударила коленом между ног. Венька охнул и согнулся. Распускать руки — это он зря. Багрищенко прикосновения терпеть не может и... не терпит.

— Отстань, придурок! — рывкнула она и, ухватив меня за руку, потянула за собой.

Я еле успевала перебирать ногами, невольно вжав голову в плечи: кто знает, что этому идиоту придет в голову?

Ругательства за спиной как-то резко смолкли. Я попыталась обернуться, но стальная хватка Багрищенко давала понять, что этого лучше не делать.

— Сам виноват, — прошипела Танька, — ненавижу его. С сентября проходу не дает.

Кто-то глухо зарычал. Руки вмиг похолодели. Танька замерла, я хрипло выдохнула: рычание... нечеловеческое, жуткое.

Мы медленно обернулись и заледенели. Веня стоял на месте, но... Темная одежда лоскутами валялась возле ног, кожа на руках и ногах вздулась отвратительными пузырями. Лицо вытянулось, глаза впали, зубы удлиннились, с клыков закапала слюна. Непропорционально длинные руки потянулись вперед. Я заорала, Танька сдавленно охнула. Чудовище уставилось на нас, рыкнуло и рвануло вперед. Не разбирая дороги, мы помчались по коридору. Неслись прямо к залу заседаний педагогов, не рискуя оглянуться.

Рычание нарастало, давая понять, что нас нагоняют.

— Что это? — выдохнула я, резко сворачивая и перепрыгивая почти через три ступеньки, совершенно не контролируя рвавшиеся наружу всплески магии.

— Дрянь, — бросила Танька, — он... Хм...

Она быстро развернулась, начертила в воздухе вспыхнувший холодным серебром символ. Черные волосы взлетели, как от дуновения ветра, в глазах сверкнула молния. Я невольно попятилась к стенке. Ведьма... настоящая, чтоб тебя...

Чудовище на миг остановилось, жалобно взвизгнуло. Таня начертила второй символ, но он очень быстро исчез.

— Дидько! — ругнулась она. — Валим!

— Что, девчата? — спросил кто-то голосом завхоза.

Я взвизгнула и уставилась перед прямо собой. Из воздуха медленно проявлялась низенькая фигура. Жорж Гаврилович был чернее трубочиста, с отливавшими дьявольской краснотой глазами. Приплюснутый нос больше напоминал свиное рыльце.

— Ох, — выдохнул он, принимая свой обычный вид, глядя на скулящее чудовище,

которое пытались обойти сияющие остатки Танькиного символа. — Эта-а-а что?

— Кормильцев, — пискнула я, — был.

Воздух вокруг Дидько закрутился, в его руках появился странный инструмент, очень напоминавший вилы.

— Бегите за подмогой, — шепнул он и оттолкнул нас за спину.

Мы с Танькой вылетели в коридор, разлетелся жуткий визг, аж мороз по коже продрал. На краю сознания отпечаталась мысль, что крыло словно вымерло. И появление Дидько — невероятное везение. Снова зазвонил мобильник. Я на бегу схватила трубку.

— Татьяна там не заблудилась? — поинтересовался Андрей Григорьевич.

— Нет! — выпалила я. — То есть да!

— Да?!

— Позовите кого-нибудь на помощь, тут чудовище в злыдневском корпусе. Дидько его не удержит!

— Понял, — коротко бросил куратор.

Рассказ получился сумбурным, но, кажется, он действительно понял. Таня тем временем была уже возле выхода и не слышала, с кем я говорила.

— Дина! — крикнула она. — Давай сюда быстрее, тут хоть в окно Вия крикнем.

Я побежала к ней, но тут же уткнулась носом во что-то твердое. Подняла голову и ойкнула — рядом стоял Чугайстрин.

— Где? — коротко бросил он.

Вид у куратора был какой-то странный: сдержанный, почти суровый. Губы сжаты, сам словно на несколько лет старше стал. Вопль чудовища повторился.

— Обалдеть, — сделала вывод Танька и кинулась назад по коридору. — Сюда!

Меня никто ждать не стал, поэтому пришлось плестись в самом конце. Появление куратора несколько отрезвило и успокоило. Сил побольше, даже если кинет эту дрянь в стазис — уже хорошо. Но как он тут так быстро появился?

Дидько был на лестнице, однако значительно терял позиции. Чудовище выло и теснило его, то и дело стремясь ухватить за шкуру. Переломанный инструмент завхоза валялся на полу. Чугайстрин быстро оценил ситуацию и вскинул руки. Зеленое пламя обвило его пальцы, миг — ударило прямо в сердце чудовища. Оно взвыло раненым зверем и начало медленно оседать. Чугайстрин нахмурился, качнул головой, щелкнул пальцами, и чудовище окутала снежно-белая сеть. Он выдохнул и провел ладонью по лицу, словно пытаясь стереть усталость.

Я, замерев, наблюдала за происходящим. Ранее такого видеть никогда не доводилось. Как быстро, слаженно и... аккуратно.

— Так-так, — медленно произнес Андрей Григорьевич. — Что это было?

— Зараза какая-то, — резонно заметил Дидько, отряхиваясь и с сожалением глядя на прожженную одежду. — Вы представляете, кислотой плевать начал! Мне-то чего, а робу жалко, новую выписывать — такой головняк, я вам говорю. — Но, посмотрев на Чугайстрина, мигом посерьезнел. — Спасибо, вовремя подоспели. Не знаю, сколько бы смог удерживать эту зверюгу.

— Что это вообще такое? — терпеливо повторил Чугайстрин вопрос.

Дидько пожал плечами и покосился на нас.

— Ну, девчата, выкладывайте. Оно неслось за вами.

— Мы... — неуверенно начала я.

— Мы встретили Кормильцева с четвертого курса, — ровным голосом перебила Таня. — А потом он превратился... в это.

Чугайстрин внимательно посмотрел на нее, правда, в зеленых глазах скользила некая растерянность. Что ж, его тоже можно было понять.

— Вот так просто взял и превратился?

— А кто мне скажет, что тут вообще происходит? — неожиданно раздался за нашими спинами голос Вий-Совяцкого.

* * *

В ректорском кабинете я очутилась впервые. Просторно, неуютно и холодно. Почему-то здесь приходило осознание, что я не просто маленькая, а до ужаса маленькая. Получали все: Чугайстрин, Дидько, Таня и я. Правда, с меня особого спроса не было, все же в основном огонь приходился на них. Хорошо хоть заняла место подальше от Вий-Совяцкого. Можно было притвориться предметом мебелировки. Из Тани и Чугайстрина вытрясли всю историю уже по второму кругу. Ректор, откинувшись на стуле и сложив руки на животе, слушал их с полуприкрытыми глазами. При этом уж лучше бы смотрел прямо, а то возникало ощущение, что он видит всех сквозь веки.

— Хорошего мало, — тем временем произнес Андрей Григорьевич.

— Мягко сказано, — размеренно произнес Вий-Совяцкий. — Хоть состояние Красавича и нормализовалось, но радости нет. Шаленый не выпустит его из лазарета еще неделю, пока все не нормализуется. Но отравленные галушки — это уже ни в какие ворота не лезет!

Я невольно вздрогнула, хоть к Савве Геннадиевичу (не Савелию, а именно Савве) относилась очень хорошо, о его методах старшекурсники слагали байки. И ни одна из них приятной и милой сердцу не была.

— А что это был за яд? — тихо спросил Чугайстрин.

Вий-Совяцкий чуть поморщился:

— Цвет отруты. Ее раньше выращивали только в саду нашего университета. Гордость злыдневского факультета. Правда, потом случился инцидент — отравилось несколько ребят, и опыты с отрутой убрали из программы.

Повисла тишина. Вот так информация! Значит, кто-то прознал про отруту, сумел раздобыть и подкинул? Или просто кто-то из своих? От последней мысли стало немного не по себе.

Таня вдруг тяжело вздохнула:

— Павел Константинович, я понятия не имею, что случилось. Этот суп сразу взяла я, но потом есть перехотелось. А Виталик — проглот. — Она неосознанным жестом откинула упавшие на лицо волосы, пропустив их через пальцы.

От меня не ускользнуло, как Чугайстрин задержал на ней взгляд. Ну, этот не мог же! От внезапно появившейся не очень приличной мысли меня начал душить смех. Ситуация была крайне неподобающей, и ржать совершенно не следовало, поэтому приходилось до боли кусать губы и смотреть в пол.

— Дина Валерьевна, — льдом по коже прошелся вкрадчивый голос Вий-Совяцкого.

Я вздрогнула и, сжавшись, уставилась на ректора. Никогда не слышала, чтобы он так говорил. Встретилась с внимательными глазами ректора и почувствовала, что покрываюсь

холодным потом.

— А что это вам так весело? — почти ласково спросил он. — Может, я чего не знаю? Так вы не стесняйтесь, расскажите нам, мы все... посмеемся.

На лице Тани проскользнуло удивление, Чугайстрин бросил на меня быстрый взгляд, одного Дидько, кажется, совсем не волновал тон Вия. Усилием воли прогнала смех и закашлялась.

— Простите, Павел Константинович.

Он хотел еще что-то сказать, но тут вдруг подал голос Дидько:

— А что с этим, перекинувшись?

Вий вмиг посуровел. Потарабанил пальцами по столу, так что чуть не подпрыгнули ручки в темном длинном стакане. Мне показалось, что одна из них, с массивным набалдашником в виде черепа, самостоятельно повернулась в мою сторону. Мои пальцы впились в ладонь. Спокойно, это только воображение.

— Плохи дела. Андрей Григорьевич его хоть и хорошо заморочил...

Краем глаза я заметила, что Чугайстрин словно окаменел. Лицо — непроницаемая маска, спина — неестественно прямая, руки на коленях, но кажется, что сейчас вцепится в подлокотники.

— Только толку никакого, — продолжил Вий-Совяцкий. — Прежней сущности не вернуть, а в таком виде он долго не протянет. Точнее, — он глянул на часы, — умер три с половиной минуты назад.

Глава 4

Цвет отруты

— Свободны, Андрей Григорьевич, — бесцветно произнес Вий-Совяцкий, и я поспешил покинуть кабинет. Дидько проводил меня тоскливым взглядом. Ха! Еще бы. Полчаса назад я точно так же смотрел на девчонок, которых выгнали первыми.

Едва оказавшись в темном коридоре, шумно выдохнул. Ну и продержал нас, однако! Самочувствие было премерзким: слабость, голод; спасибо, что коленки не дрожат. А то совсем бы ударил в грязь лицом перед студентками. Хотя, судя по их лицам, не так все плохо.

Я медленно побрел к выходу. Чертовски неприятная ситуация. Вениамин Кормильцев, четвертый курс. Я с ним еще не пересекался, но смерть... Невольно вздрогнул и, выйдя во двор, остановился. Ректор, конечно, больше ничего не скажет, но такой случай — это же скандал!

Прийти в себя толком не получалось — просто не мог поверить в произошедшее. Задрал голову и посмотрел на небо: черное, спокойное, мерцающее мириадами звезд. И воздух будто мягче стал. Не рановато ли, конец января всего лишь?

— Эй, чего ты тут? — раздался звонкий голос Сашки.

Обернувшись, увидел, как она приближается, с трудом таща большую сумку. Заметив мой хмурый вид, остановилась, внимательно всмотрелась в лицо. Под желтым светом фонарей снежинки на черных волосах поблескивали хрустальными камушками.

— Случилось тут, — я потер бровь, — нехорошее очень... Сумка тяжелая? Давай помогу.

Она не стала спорить, отдала сумку, хихикнула, когда чуть не выпустил ее из рук.

— Бабушка соленья передала, попируем сейчас. Заодно и расскажешь мне все.

В комнате было тепло и уютно. Пристроившись возле стола, я поочередно пробовал то огурцы, то квашеный арбуз, то каким-то причудливым образом замаринованные грибы с луком и ягодами. Сашкина родня определенно знала толк в угощениях, поэтому отказываться было невозможно. Все это сдабривалось свежим хлебом и колбасой «Президентской».

Услышав мой рассказ, Саша округлила глаза и долго не могла поверить в случившееся.

— Так, получается, ты его нейтрализатором? — ошарашенно протянула она, уставившись в стол.

— Не знаю, — вздохнул я, мрачно уставившись на огурец. — Вий-Совяцкий зачитал нам отчет лекаря, причина не в нейтрализаторе. Кто-то наложил сложную сеть заклятия, да еще с подвязкой на хозяина.

Сашка замотала головой:

— В университете такого не учат. Даже на четвертом курсе.

Я криво усмехнулся, аппетит резко пропал.

— Может, вы их тому и не учите, но вот сами детки порой откапывают такое, что страшно посмотреть. Как любовное зак...

Резко прикусил язык, сообразив, что проболтался. Саша смотрела на меня очень нехорошим взглядом. В темных глазах заплясали чертики, губы сжались.

— Ну-ка, повтор-р-ри.

Я сделал вид, что не понимаю, о чем она. Но на всякий случай осторожно отодвинулся, ибо кто знает эту злыдню.

— Что? — невинно уточнил.

— Повтор-р-ри, что сказал, душа моя, — произнесла Саша с такой ядовитой нежностью, что я как-то непроизвольно оказался возле двери.

— Да ничего такого... Я почти ничего не знаю об этом деле.

— Скотина! — заорала она, вскакивая со стула и кидаясь ко мне. Сжатые кулаки окутал черный туман, в воздухе засверкали искры.

Не тратя времени, я выскочил в коридор. Пролетев, чуть не сбил с ног коменданта.

— Детоньки, чего это вы? — обалдело пробормотал он.

— Убью! — стал ответом Сашкин вопль.

Как видите, еще тот вопрос, что страшнее: нейтрализовать незнакомого монстра или не попасться под руку разъяренной злыдне!

...Когда я вернулся, соседка по комнате демонстративно отвернулась. Ну и ладно. Поплелся в душ, под теплой водой расслабление пришло мгновенно. Успею помириться. Вообще, какой идиот сделал так, что в одной комнате селят мужчину и женщину? Никто вразумительного ответа пока что так и не дал. Пытался спросить у Дидько, но тот лишь поулыбался, аки Джоконда с холста, и пошел дальше.

Закрутив краны, я принялся вытираться. Университетские душевые сделаны на совесть: и тепло, и удобно. Интерьер строгий, несколько аскетичный. Стены облицованы хорошим кафелем, в каждой кабинке — две полочки и вешалка. Почти гостиница.

Бодрые шаги заставили обернуться. Рядом возник Ярослав Дожденко, куратор второго курса характерников. Рыжий здоровый парень, на полголовы выше меня. В его присутствии я почему-то ощущал себя жутко нескладным, списывая это на возраст и уверенность характерника. Ярослав не задавака, но, кажется, его ничем не удивишь и не испугаешь. Не удивлюсь, если в него повлюблялась половина женского населения университета (как студенток, так и преподавательниц). Как говорится — большая харизма. А размер харизмы — дело важное.

— Чего такой кислый? — поинтересовался он, быстро стягивая с себя одежду. — Твои, что ли, опять что-то сожгли?

— Они и сожгли, — буркнул я, — только утром. Вечером, надеюсь, ничего не учудят.

— Неплохо бы. — Он хлопнул меня по плечу. — Мои в прошлом году еще хуже были. О... — Ярослав чуть прищурился, уставившись на мою щеку. — Это кто тебя так?

Ругнувшись, что не подумал залечить красные полосы от пощечины Сашки, только вздохнул:

— Александра Евгеньевна.

— Оу, — в светло-карих глазах мелькнули смешинки, — пани злыдня не в настроении?

Я передернул плечами. Тут бы любая была б не в восторге. Но и отступить не хотелось. Не оценить Васькину шалость по заслугам просто не позволяли моя сильнейшая тяга к приключениям и такая же тяга к красивым женщинам.

Ярослав тем временем закинул полотенце на плечо и подошел к кабинке.

— Ты, главное, сразу мириться не иди, а то будет тебе полная пазуха проблем. Подожди, пока остынет, — тогда и приступай к действиям.

Я чуть не раскрыл рот, но вовремя взял себя в руки и подозрительно посмотрел на Дожденко:

— А ты откуда, кхм, знаешь такое?

Ярослав только покачал головой и нырнул в кабинку. Спустя секунду послышался шум

воды. Интересно, к чему это все было? Или у меня кроме полос на щеке там еще и написано что-то неприличное?

В раздумьях я вернулся в комнату. Саша уже спала. Пришлось осторожно прокрасться к своей кровати. Устроившись и провертевшись с полчаса, понял, что бесполезно. Сон где-то заблудился и не торопился меня посещать. Плюнул, осторожно зажег светляка, по комнате тут же разлилось мягкое зеленоватое сияние. Подумал и накинул на Сашку полог тьмы, а то кто знает эту тигрицу? Вставать рано обоим, но... сейчас же точно не засну.

Я взял с полки брошюру про Лысогорье. Может, чтиво будет успокаивающим — так получится отключиться до утра? Точно так же, как Красавич на моей паре. Потом, правда, он очень об этом пожалел.

Еще раз осмотрел тоненькую книжицу и только пожал плечами. Что ж, посмотрим.

«Лысогорье — это не обычная порталная сеть в привычном мольфарском понимании. Для ее изучения нужен не один век...»

Я поморщился. Сухо как, словно доклад. Сейчас, вероятно, пойдет речь, что Лысых гор много, все они — точки силы и выбрасывают определенный энергетический фон, бла-бла-бла... Я пролистал несколько страниц, раскрыл на развороте и едва сдержал восклицание. Иллюстрация. Изумительно правдоподобно изображает Сашу. Точнее, девушку, очень на нее похожую. Черные волосы уложены короной вокруг головы, чуть вздернутая бровь, пухлые губки в едва заметной улыбке — ни дать ни взять полтавская богиня. Только глаза — чернящие и огромные, будто в них опрокинули всю ночную тьму. И есть там что-то недоброе, истинно злыдневское. На ней черное платье с красной вышивкой по рукавам, плечи открыты. Левую руку обвивает какая-то лиана, только мерцает, словно огонек через рубиновое стекло. А сама-то! Ух как смотрит! Будто живая.

Я невольно прикоснулся пальцами к щеке нарисованной девушки. Ничего особенного — прохлада лощеной бумаги. За спиной черноглазой красавицы простиралась долина и узкая лента реки. Я быстро глянул на спящую Сашу. Так, проснется, надо бы помириться и выведать ее родословную.

Через какое-то время я и впрямь отключился. Дрема накатила быстро и бесповоротно. Сквозь сон слышались какие-то странные звуки: шелест ветра, скрип старой телеги, чуть глуховатый довольный смех. Стоп. Смех?

Я открыл глаза и молча уставился на раскинувшееся над головой небо. Ночь, сияющие с небес звезды. Такие яркие, что хочется зажмуриться. Сияющая лента Чумацкого Шляха — протяни руку и сможешь коснуться. Воздух прозрачный, чистый, делаешь вдох — чувствуешь, как пьянит.

До меня дошло, что я лежу на влажной траве. Поднялся на ноги и огляделся: вроде и знакомо все, и в то же время никогда тут не был. Кривая тропинка справа убежала вниз с горы. Я пожал плечами и медленно пошел по ней, кожей впитывая блаженную атмосферу вокруг. Где-то только на краю сознания забрезжила мысль, что сейчас вообще-то зима и никаких гор в Полтаве нет. Да и на мне, кроме брюк, в которых лег спать, тоже ничего нет.

Тропинка привела к огромному озеру. Черную воду пересекала лунная дорожка — чистое серебро. Присел и коснулся водной глади. По телу тут же пробежала дрожь, будто коснулся чего-то живого. Сердце застучало как бешеное. Неизвестно откуда подул ветерок, принося струнные переливы цимбал.

Вода неумолимо тянула к себе, даже немного дразнила. Мол, что, мольфар, боишься? А забыл, как по воде ходил? Нет? Ну так иди сюда.

Я медленно выпрямился, шагнул вперед, внутри вдруг все сжало, как у маленького, что страшится оплошать перед взрослым. Прохладные воды коснулись босых ног. В звон цимбал вплелся смех — женский, звучный, веселый.

Я обернулся и вдруг встретился с черными горящими глазами. Волосы водопадом спадали по ее плечам, прикрывая грудь, и спускались аж до талии. И мига не прошло, сразу узнал — красавица из книжки. Красные губы приоткрылись, левая бровь лукаво изогнулась. А сама глаз не отводит, смотрит прямо, будто вызов бросает. Точно так же, как до этого черная вода.

— Что, мольфар, заблудился? — шепнула она низким тягучим голосом. — Тропку отыскал, а сойти не можешь?

От аромата, исходившего от ее тела, голова пошла кругом. Я попытался отогнать неприличные мысли, но мягкие руки обвили мою шею.

— Так, может, я помогу отыскать путь-дорожку? — шепнула она, почти касаясь моих губ.

Жар окутал все тело, я притянул ее к себе, внимательно заглянул в глаза. Красавица не смутилась, даже не подумала отвести взгляд, только приникла сильнее.

Все мысли мигом выветрились из головы. Не осталось ничего, кроме раскаленной черноты напротив и гибкого горячего тела.

— Может, — выдохнул я и прижался к ее губам.

Вода заплескалась, захохотала, взлетела вдруг алмазной сетью. Цимбалы резко вскрикнули, нежный звон струн стал резким и настырным, и...

— Чугайстрин, па-а-а-адьем! — проорал кто-то почти на ухо.

От неожиданности я подскочил и едва не ударился лбом об угол тумбочки. Ошалело завертел головой и понял, что на столе разрывается от усердия будильник, я рядом стоит довольная Сашка. При этом на лице написано столько самодовольства, что я даже несколько занервничал: гадюку в кровать подложила? Что с них, злыдней, взять?

Протянул руку и быстро выключил будильник. Правда, звон будто застыл в ушах. Глянул на время — стало не по себе. Мотнул головой и глубоко вздохнул, приходя в себя.

— Слышу, слышу, — пробормотал я, — спасибо, что разбудила.

— Нема за шо, — ласково улыбнулась Саша истинно злыдневской улыбкой, и я понял, что одной гадюкой дело не обойдется.

Ткачук быстро вышла и даже аккуратно прикрыла дверь. Еще несколько секунд я посидел на постели, прогоняя остатки сна, а потом вскочил и заметался по комнате, пытаюсь собрать вещи, книги, папку с рефератами и да... одеться не забыть! На все про все оставалось двадцать минут, а за опоздания Вий-Совяцкий преподавателей наказывает еще жестче, чем студентов.

В аудиторию я влетел за две минуты до звонка. Но вместо приветствия сумел испустить только удивленный вздох. На учительском столе находился темно-коричневый глиняный горшок с изумительно красивым цветком: на толстом, чуть изогнутом стебле — массивные широкие зеленые листья, алые по краям. Необычные насыщенно-красные цветы напоминали нарциссы.

Я озадаченно уставился на растение.

— Это еще что?

Воцарилась тишина. Даже любящие поболтать товарищи на галерке с любопытством уставились на меня, а потом — на стол. Сидевшие в первом ряду Багрищенко и Дина

переглянулись.

— Так Хвесья Харлампиевна принесла, — наконец сказала Дина, поняв, что, кроме нее, никто не рискнет ответить.

— И?

Я подошел к столу, положил портфель на стул и склонился над цветком, внимательно его разглядывая. Хм. Что-то до ужаса знакомое, но так пока и не понять, что именно.

— Она занесла, — сказала Дина, — поставила, велела не трогать и умчалась.

— Даже не сказала кому? — изогнул бровь я.

Дина посмотрела на меня округлившимися глазами:

— Да как же... Студентам она ничего носить не станет. Это вам только.

Поняв, что ничего толкового добиться сейчас не сумею и лучше вытрясти из Языкатой это самостоятельно, я махнул рукой и повернулся к доске. Чувствовал себя преотвратно: голова гудела, мысли путались, так и хотелось сесть, уставившись в одну точку. Сон не желал отпускать из своих объятий. Но надо было срочно что-то делать — пару за меня вести никто не будет. Вон, даже студенты притихли.

Кашлянув, я развернулся и бодро сообщил:

— Тема сегодняшней лекции — магические сны.

По аудитории прокатилось тихое хихиканье. Я сделал вид, что не заметил. В свое время точно также реагировал на названия лекций, которые больше тянут на девчачьи истории о любви. При этом, как ни назови, от девчачьего тут очень и очень мало.

Хихиканье исчезло, ребята зашуршали тетрадями. Я еще раз бросил взгляд на странный цветок и принялся рассказывать:

— Все мы прекрасно знаем, что сны — это двери в другой мир. Обычные люди могут бесконечно спорить, приводить аргументы или же наоборот — разбивать доказательства в пух и прах, но ничего не изменится. Сны — это наша стихия. Мольфар, даже самый неказистенький, должен обязательно с ними работать.

Я увидел поднятую руку и кивнул:

— Да?

Игорь, сухощавый брюнет с сером свитере, тут же задал вопрос:

— А как же ведьмы? Они ведь тоже умеют насылать сны.

Я только хмыкнул:

— Ведьмы много чего умеют, но это требует от них сил и проведения ритуала. Без этого ничего путного не выйдет. Кстати, провидцы, — сделал паузу, давая ребятам осмыслить услышанное, — провидцы видят вещие сны. Но там уже работа другого плана.

Я взмахнул рукой, и между мной и первыми партами возникло сиреневое пламя. Динка невольно ойкнула и тут же зажала рот рукой. Багрищенко сосредоточенно смотрела на меня. Реакции остальных тоже не ускользнули: все, как один, отпрянули.

В пламени стали появляться причудливые фигуры, пошла выплетаться сеть сонного заклинания.

— Характерники могут тоже тянуться ко сну, но тут уже получается нечто другое. Кто назовет мне второе имя характерников?

— Заморочники, — мрачно уронила Багрищенко.

Я сделал шаг назад, давая возможность сети стать более плотной и не рассыпаться через несколько секунд. Когда наглядный материал перед глазами, запоминается куда лучше. Пичкать теорией, а потом привести к практике — глупо.

— Правильно, — кивнул я Тане. — Морочить они умеют в любое время суток. Но если приходится накладывать морок на сон, то очень редко все идет гладко. Сон капризен, если не держать его в нужных точках соприкосновения с сознанием, вы не добьетесь никакого результата.

— А если я хочу удержать эротический сон? — раздался громкий голос с галерки.

— А что, он уже в ужасе сбегал от тебя, Малявкин? — хмыкнул я, определив голос признанного троечника и заводилы группы.

— Ну... — Малявкин мигом ступешался, послышались смешки со всех сторон.

— Удержание сна, — невозмутимо продолжил я, — вещь силовозатратная. Как вы знаете, сейчас существует множество практик осознанного сновидения, но нам они не подходят.

— А это почему? — тихо поинтересовалась Дина.

Сплетенное заклинание повисло огромным кружевом у доски и теперь переливалось всеми цветами радуги. Некоторые девчонки заворуженно смотрели на появившуюся красоту и, кажется, даже не особо слушали то, что я тут говорю.

Сел за стол и посмотрел на Дину:

— Практика эта не наша. Вот если встретится кто-то из индейских шаманов или людей, которые так или иначе имеют корни там, где зародилось это учение, тогда может и что-то получиться. Здесь же лучше пользоваться собственными методиками.

— Вы хотите сказать, что родная земля сама помогает? — раздался задумчивый голос Малявкина.

Не дурак, кстати. Но валять этого самого дурака любит просто до несознанки. С чем и приходится постоянно бороться.

— Конечно, — кивнул я, — правильно мыслишь. Когда работаешь с заклинаниями и методами, доставшимися от предков, окружающая среда и твой собственный организм образуют единое целое. Бывали даже случаи, что мольфарская мощь поднималась до такого уровня, что можно было плести заклинания, не растрачивая энергию.

По аудитории пронесся гул. Студенты принялись шептаться и переговариваться. Багрищенко скучаяще посмотрела на них через плечо, потом повернула голову и уставилась на меня своими синими глазищами.

— Андрей Григорьевич, — произнесла она тягучим низким голосом с такой интонацией, что многие невольно смолкли и посмотрели на нас.

Ух, ведьма! Восхищению тут, может, и не место, но ничего, кроме него, не приходило. Хорошо умеет работать с толпой, хоть с виду вроде и ничего не сделала. Но я прекрасно почувствовал, как воздух пронизали ручейки ведьминской магии.

— Да?

— А какое значение имеют места силы? Ведь если использовать свои умения традиционными способами, да еще и на земле предков, то тогда местом силы может стать что угодно?

На меня выжидательно уставилась вся группа. Вопрос не то чтобы поставил в тупик, но заставил немного задуматься. Я потарабанил пальцами по столу. Сиреневая сеть дрогнула и начала расползаться. Бросил на нее взгляд, короткая белая вспышка — и все вернулось на место.

— Ой, — кто-то выдохнул справа, — здорово!

— Что именно? — уточнил я, покосившись на студентку, выкрашенную в ярко-розовый цвет.

Она развела руками и улыбнулась:

— Что глазами можете восстанавливать заклинание.

— Этому можно научиться, — ответил я. — Главное, желание.

— Точно? — раздался недоверчивый голос Малявкина. — Это что, после универа я смогу, как Варвара из фильма, коврики глазами плести?

— Не глазами, — терпеливо поправил я, — а энергетическими потоками. С руками это все намного быстрее и проще. Поэтому у вас в неделю несколько раз занятия по тактильной энергетике.

Студенты как-то горестно вздохнули. Я сделал вид, что не заметил. Страдать действительно было от чего. Энергетику у них вел Дожденко, а там не забалуешь. В какой-то миг показалось, что красный цветок дрогнул и чуть повернулся ко мне.

— Места силы, — тихо напомнила Дина.

— Да, — продолжил я, — так вот. Сами прекрасно понимаете, что эти места у всех на слуху. И не зря.

Обвел взглядом аудиторию: все сидели тише мышек. Нет, так не пойдет. Надо что-то быстро решать. А то так и будут хлопать глазами, пока уважаемый пан преподаватель рассказывает материал.

— Ну что, — протянул я, — кто назовет мне места силы?

Снова повисла тишина. Ребята неуверенно переглядывались, словно я просил что-то нехорошее. Наконец Баргрищенко, поняв, что надо приходить на помощь группе, звонко произнесла:

— Лысая гора, Киев.

Сплетенные в углу чары немедленно приняли облик упомянутого места. Все с интересом уставились на доску, по которой разошлось плетение чар.

— Правильно. — Я сплел пальцы и посмотрел на цветок, пытаясь не отвлекаться, но получалось это из ряда вон плохо. Перед глазами вновь и вновь появлялась красавица из сна, и отогнать наваждение было нелегко.

— Каменное село на Житомирщине, — добавила Дина.

Плетение дрогнуло, кончики пальцев закололо. Я знал, что картинка изменилась, в глазах студентов загорелся интерес. Поворачиваться не стал — чары слушались и так.

— Озеро Синевир, — выкрикнул Малявкин.

— Софиевка в Умани, — протараторила Яровая, — парк сам.

— Холодный Яр на Черкасщине!

— Остров Хортица!

— Олешковские пески!

— А еще каменная могила под Мелитополем, — хмыкнула Дина.

Я отвел взгляд и посмотрел на старосту:

— Это брат подсказал, да?

Она захлопала ресницами, а Багрищенко с трудом сдержала смех. Кстати, я как-то не задумывался: почему братец учится на факультете злыдней, а сестрица у мольфаров?

Динка что-то буркнула, но все же удалось часть разобрать:

— От этого неуча узнаешь...

Лекции в этот раз не получилось, зато беседа вышла вполне дельной. На следующее занятие задал всем освоить первоначальное плетение для основы снов, всю пару провисевшее у доски, а потом превратившееся в «кинотеатр».

Хмуро посмотрев на горшок с цветком, я вздохнул и встал. Подхватил его с собой и понес к выходу. Что ж, заглянем к Хвесе Харлампиевне, разузнаем, что да так.

В глазах неожиданно потемнело, дыхание замерло в легких, я покачнулся и рухнул на пол.

Глава 5

Ой, мамо, люблю Гриця

— Вкусно, — с пафосной физиономией вынес вердикт Виталька и внимательно оглядел пирожок. — Только он не с вишней.

— Окстись, свет очей моих, — хмыкнула я, — где тебе Пацюк возьмет вишню среди зимы?

Виталька насупился, тяжело вздохнул, словно Дожденко заставил его намотать пять кругов по стадиону, и принялся жевать пирожок. Вообще-то, выглядел он уже достаточно здоровым, но Шаленый твердо стоял на своем. Вот и приходилось на правах сердобольной старосты таскать ему пирожки.

— А что вокруг-то происходит? А то я тут от тоски загнусь, — пожаловался Виталька, уплетая пирожок. — Недавно попросил Савву что почитать принести, так эта сволочь притащила «Основы изготовления ядов».

Я хихикнула. Он бросил на меня недовольный взгляд. Красив, стервец. Лицо прям модель. Глаза зеленые, как у нашего Чугайстрина. Каштановые волосы до плеч, шелковистые, с легкой волной; телосложение что надо. Мне предлагал встречаться, только отшила. Не успеешь оглянуться — с другой ворковать будет.

— Не любишь ты меня, Динка, — печально произнес он, — совсем не любишь.

— Не-а, — показала я язык, — я злая и бесчувственная.

— Сестра злыдня, — тяжело вздохнул Виталька. — Так что нового?

Этот вопрос вернул меня в мрачное расположение духа. Но Красавич не виноват, нечего на него рычать.

— Заболел наш куратор, временно группу взял Дожденко.

Лицо Витальки вытянулось.

— Динка, чем заболел?! Мольфара же ни одна зараза не возьмет! Мы ж в целительстве ого-го!

Заметив мой укоризненный взгляд, Виталька даже не подумал смутиться. Только хмыкнул:

— Ты меня не бери, я вечно то задания не выучу, то лекцию просплю. Но чтоб препод! Тут нечисто что-то...

— Ты просто не рад, что с нами Дожденко, — подколола я.

Виталька на время замолчал, потом тяжело вздохнул и потянулся за новым пирожком.

— Бессовестная. Хотя не буду врать, это тоже. Но разве тебе самой совсем не жалко куратора? Он же лучше всех, кто у нас был!

Я не нашлась, что ответить. Красавич вытянул наружу мысли, которые старательно прятала в темный угол. Чугайстрина было и жалко, и даже немного боязно... Вон, Громов к нам так и не вернулся. А что с Андреем Григорьевичем? Провел пару, а на следующий день — хлоп! — Дожденко объявляет, что он на подмене. Как и тогда, осенью.

— Проклятая группа, — пробормотал Виталька.

Размахнувшись, выдала ему хорошенькую оплеуху. Больной ойкнул и подпрыгнул.

— Динка, с ума сошла? — прошипел он, потирая затылок.

— А ты глупости всякие не говори, — отчеканила я, — нефиг повторять все за злыднями.

Дверь в лазарет открылась, и послышались тихие шаги. Спустя пару секунд к нам заглянул Шаленый.

— Сидите, — хмыкнул он.

Стянул с вешалки белый халат и принялся надевать. Хм, а до этого где его носило? Шаленого, не халат, разумеется. На территории без форменного одеяния он не появляется же никогда!

— Да, — осторожно кивнул Виталька, — а что?

— Ворковать с девочками с понедельника будешь, — отозвался Шаленый, — прием окончен. Дина, тебя под дверью Багрищенко ожидает, марш отсюда!

Продолжая ворчать и уже не обращая на меня никакого внимания, он приблизился к Красавичу, который невольно сглотнул. Стараясь не расхохотаться, я быстро выскочила из помещения и даже не попрощалась. Сейчас им обоим не до меня.

В коридоре никого не оказалось. Не веря, что Шаленый выдумал про Таньку, сунула руку в карман и, достав мобильник, начала набирать ее номер. Долгие гудки, второй раз набрала — тоже никак. Пожала плечами и сунула телефон назад. Перед глазами вновь появилось перепуганное лицо Витальки, хихикнула в кулак. Ох, мужики...

Едва ли не вприпрыжку я побежала по коридору. Настроение вновь поднялось, задания на завтра успела все переделать, можно и в город смотаться. Слетев по ступенькам, совсем не вовремя притормозила и ткнулась носом в чью-то широкую грудь. Ойкнув, попятилась и подняла голову.

— Осторожнее, панна студентка.

Голос низкий, тягучий, что прозрачный мед. Говорит негромко, а кажется, что стены могут задрожать. И чудно как-то, слова понимаю, а говор не наш. Смуглый, статный, в плечах, наверно, косая сажень. Я ему едва до этого самого плеча достаю-то. Лицо чеканное, красивое, чуть архаичное, напоминает славянского идола. Нос с легкой горбинкой. Глаза — светло-голубые, холодные, смотришь — забирают куда-то вдаль — к заснеженным горным вершинам и слепящим лучам солнца. Белые-белые волосы лежат на плечах. Седой, что ли? Но на вид не такой уж и старый. Одет в черную куртку и брюки, на ногах — высокие шнурованные ботинки. Ворот и манжеты расшиты красным, зеленым и желтым. На боку висит узкий остроносый топорик с длинным древком, таким темным, словно ему не одна сотня лет. Если не ошибаюсь, Андрей Григорьевич называл его барткой.

Мужчина чуть улыбнулся, холод из глаз ушел, оставив какие-то уют и... доброту. Словно сквозь затянутое тучами небо вдруг пробилось весеннее солнце. Мне стало немного не по себе... Втянула воздух — голова пошла кругом от запаха еловых шишек, свежей травы и дождя. Покачнулась, но он меня тут же поймал под руку.

— Вам плохо? — в голосе промелькнули нотки обеспокоенности.

— Нет, все в порядке, — пробормотала я, пытаюсь прогнать нахлынувший дурман. — Извините.

— Точно?

Я криво улыбнулась. Ой, да все равно как, лишь бы свалить подальше.

— Да-да, извините, я пойду.

Ретировалась настолько быстро, что даже не оглянулась. Хоть и чувствовала недоуменный взгляд спиной, пока не скрылась за углом.

Снег скрипел под ногами, мороз кусал за щеки. Древко барки привычно постукивало по бедру. Люди оглядывались, но он их не замечал. Остановился в нескольких шагах от величественно возвышавшегося многоэтажного здания с узкими окнами и покатыми крышами. Высеченные из камня крылатые горгульи чуть дрогнули, узнавая его.

— Ну здравствуй, любий друже, — тихо произнес Чугайстрин-старший, — давно з тобою не бачилися.

По воздуху пробежала едва заметная рябь, вспыхнули золотистые искорки. Чугайстрин улыбнулся и сделал шаг вперед. Снег стал прозрачным, истончился, расплзся в стороны, оголяя черную землю. Миг — показалась сочно-зеленая трава. Где-то над головой зачирикали воробьи.

— Ой, что ж деется-то, — проворчала проходившая мимо бабуся, косо посмотрев на Чугайстрина. — Зима на дворе, а тута трава полезла. Не зря потепление глобальное, не зря...

Он только пожал плечами. В голубых глазах мелькнули шаловливые искорки, только на лице не дрогнул ни один мускул. Рановато еще весну творить, да очень хочется.

Преодолев небольшое расстояние, Чугайстрин остановился возле массивных дверей, внимательно посмотрел на потемневшую табличку «Полтавский национальный университет магии», словно хотел разглядеть что-то скрытое. Тяжело вздохнул, положил ладонь на дерево. Послышался скрип, и дверь медленно раскрылась, бессловесно приглашая зайти. Чугайстрин ступил в просторный холл и первым делом встретился взглядом с огромным портретом Гоголя. Тот чуть улыбнулся, приветствуя, и снова все вернулось на свои места.

Неожиданно что-то гадкое и липкое коснулось его кожи. Чугайстрин вздрогнул и огляделся, потом нахмурился. А защитные заклятия-то подъедены порчей: черные пятна расплзались по серебристому плетению охранки. Ай-ай-ай, что ж ты так, Павлуша?

Решив, что осмотр университета подождет, Чугайстрин быстро направился к лестнице. Сначала безопасность, потом все остальное.

Едва он повернул, сделал пару шагов, как в него врезалось что-то маленькое и гибкое. Вспыхнуло рыжим огоньком и ойкнуло. Оказалось, студентка. Совсем юная и хорошенькая. Курносая, с веснушками, кудряшками и желтоватыми глазами. Перепуганными и озадаченными донельзя.

— Осторожнее, панна студентка, — мягко предупредил он.

Только хлопнула ресницами, продолжая смотреть как на диво дивное. Чугайстрин еле сдержал смех, до того забавно стало. Плюс аура у нее такая теплая, мягкая, так и хочется протянуть руку и приласкать, словно котенка. Она вдруг покачнулась, пришлось поймать. Хм, даже пахнет молоком и медом.

Но оказалась упрямая, только выскользнула из рук, поминай, как звали. Несколько секунд посмотрев ей вслед, Чугайстрин одернул себя. Не до девчонок сейчас.

Сперва хотел зайти как все люди, через Хвеську. Но пани Языкатая куда-то умотала, даже не удосужившись закрыть кабинет. Только покачал головой и направился к Вию. Что ж... без приглашения, зато с достоинством.

Стоило только приблизиться, как ректорская дверь распахнулась, и в коридор выскочил всколоченный Дидько. Крутанулся на месте, будто сглаз хотел отвести, и увидел Чугайстрина. Побледнел, потом охнул:

— Григорий Любомирович, как же вы тут? Ой, то бишь здоровеньки були. Рад видеть и...

Чугайстрин поднял руку, Дидько смотрел на нее, как кролик на удава.

— Не таракти. Я тут без приглашения, по делу. Вий занят?

Дидько невольно втянул голову в плечи и пробормотал:

— Хвесья у него сидит. — И, подумав, добавил: — С метлой.

Чугайстрин чуть приподняв бровь:

— Обороняется, что ли?

— Ну-у-у, — Дидько развел руками, мол, кто этих ведьм знает. — Я... пойду?

— Ладно, — кивнул Чугайстрин, — иди-иди.

Завхоз испарился на месте, осталась только кучка сажки. Чугайстрин покачал головой. Вот чертяка же, потом точно получит по голове от уборщицы.

К Вию он зашел без стука. Сидевшая на стуле Языкатыя выронила от неожиданности чашку, которую передавала ректору. Тот не зря имел стул на колесиках, вовремя отъехав назад, и горячий кофе пролился на пол.

— Нежданный гость хуже татарина, — спокойно произнес Вий и повернул голову в сторону вошедшего.

Веки плотно сомкнуты, их кожа — белая, грубая, покрыта сетью трещин. Ни следа от магической иллюзии для студентов и преподавателей. Вид у него изможденный, силы будто утекают в никуда. Смотреть на его лицо — еще то испытание, но Чугайстрин и не такое видел.

— Хвесенька, ты бы прибрала, а то ректор пяточки замочит, — ровным голосом сообщил он и сел на свободный стул напротив Вия.

— Ой, да, конечно, — засуетилась секретарша и унеслась с чашкой, чтобы потом вернуться с тряпкой.

Вий не произнес ни звука. Оно и неудивительно. Чугайстрин собирался задавать неприятные вопросы. В кабинете остро чувствовались боль, вина, злость и раздражение. И все не от Языкаты. У нее удивление перекрыло все на свете.

Воцарилась тишина. Никто не смел ее нарушить, словно это был какой-то ритуал. Потом Вий медленно опустил руку на стол — худую, костлявую, с загнутыми когтями. Потарабанил пальцами по полированной поверхности. Звук гулким эхом разнесся по кабинету.

Чугайстрин смотрел прямо в слепые глаза, Вий — в небесно-голубые. Хвесья замерла каменным изваянием.

Наконец Вий хрипло выдохнул и уронил одно-единственное слово:

— Жив.

Время застыло, Хвесья тихо направилась в подсобку, подальше от разговора, который должен был состояться. Чугайстрин незаметно выдохнул. Он хоть и не верил в смерть сына, но случилось всякое. Даже чугайстра можно задурить, сотворив мнимую связь с родственником.

— Как это произошло? — спросил он, глядя на хмурого Вия.

— Кто-то подсунул ему цвет отруты.

Чугайстрину на миг показалось, что он ослышался. То, что цвет отруты кто-то сумеет извлечь из-за той стороны Лысогорья.

— Что?

— Да вот, что слышал, — мрачно отозвался Вий. — При этом вся группа видела, что цветок принесла Хвеська.

— Не я это была, — буркнула та, появившись в кабинете.

Поднос с двумя чашками кофе медленно проплыл в воздухе и осторожно опустился на стол. Хвеся подошла к мужчинам и села чуть поодаль от Вия.

Чугайстрин взял чашку, приятный аромат защекотал ноздри. Сделал глоток, тепло побежало к желудку. Хмурая Хвеся все же знает, как и чем напоить гостя.

— Личина? — спросил между глотками.

Вий кивнул:

— Личина. И мастерская защита, раз ни одна из охренок университета не вычислила чужака.

Чугайстрин вздохнул:

— Может, и не чужак, раз так хорошо работает. Андрей где сейчас?

— В надежном месте, не переживай, — размеренно произнес Вий, — Шаленый за ним присматривает.

— Пространственный карман за библиотекой? — напряженно уточнил Чугайстрин.

— Именно. Проблема в другом.

Чугайстрин прикрыл глаза и откинулся на спинку стула. Можно не говорить в чем: связь с сыном истончилась до такой степени, что это почти не чувствуется. Значит, с телом все в порядке, а душа — не пойми где.

— Расскажи мне, что тут происходит. С самого начала.

Вий не произнес ни слова, но было слышно, как встала Хвеська. Несколько шагов и тихое:

— Я пойду, Павел Константинович. Работы еще много.

— Иди, — ответил Вий, — и метлу прихвати.

Хвеся и не подумала его послушать, пошла в коридор; метла, тихо потрескивая, поплелась за ней. Чугайстрин проводил эту картину недоуменным взглядом. Ходящие метлы попадались в первый раз.

— Это еще что, — проворчал Вий, словно поняв, о чем тот думает. — Она ее так скоро и разговаривать научит!

— Что-то даже мне захотелось перекреститься, — пробормотал Чугайстрин.

Вий погрозил пальцем:

— Но-но-но! Не хватало тут еще стычки между христианскими адептами и роєм нечисти. Сиди уже.

Чугайстрин криво ухмыльнулся:

— Да уж, помню. Зато оторвались славно в прошлый раз.

— Этого еще не хватало, — Вий явно не разделял его настроения, — тебе хорошо — раз! — и дрыснул в свои горы. А мне тут восстанавливать пришлось все. Да еще и Городового полтавского утешать, что мы не нарочно.

— Утешил? — с ледяным взглядом спросил Чугайстрин.

Вий хмуро кивнул:

— Да. Если б не угодил — не было бы тут нашего университета. Городовые порой такие мстительные твари — сам понимаешь. Но ладно, заболтались... Значит, знаешь Багрищенко?

Чугайстрин чуть нахмурился. Век бы не слышал об этой ведьме. Но раз спрашивают — плохо дело.

— Если ты про Оляну, то лучше б не знал.

Вий взял ручку, увенчанную черепом, и принялся сосредоточенно крутить. Провалы глаз черепушки тут же вспыхнули зеленоватым пламенем.

— С возрастом она только хуже становится. То не так, это не так... Последний раз шабаш был на Лыске, так перессорилась со всеми ведьмами. Впрочем, злыдням тоже прилетело.

Чугайстрина это не удивило. Но для приличия все же поинтересовался:

— Надеюсь, ее удавили?

— Если бы, — проворчал Вий, — большинство ведьм ушились на какие-то вечерницы, даже не в курсе были. Но речь не про то. У Олянки есть племянница — Таня. Сирота с двух лет, Олянка за ней приглядывала. Вот и довела девчонку до того, что та сбежала.

Чугайстрин вздохнул:

— Все же надо было ее прибить еще пять лет назад.

— Надо было раньше думать, — невозмутимо сказал Вий, — но это еще цветочки, ягодки будут дальше.

Чугайстрин нахмурился:

— Дальше что?

— Танька поступила ко мне. При этом пришла и выложила все как на духу. Мол, сбежала из дому, тетка сгрызла, помогите.

Чугайстрин невольно присвистнул:

— То ли смело, то ли безрассудно.

— И то и то сразу, — подвел черту Вий. — Но Танька унаследовала материнскую силу, поэтому заранее знала, что не откажу. А может, и прознала чего, что я готов Оляну придушить при первой возможности.

На некоторое время повисла тишина. Череп повернулся в сторону Чугайстрина и подмигнул одним глазом. Мысли в голове немного не укладывались: откуда у Оляны такая племянница? С другой стороны, зная лютейший нрав всех Багрищенко, неудивительно, что девчонка не захотела прогибаться под эту стерву.

— Дальше — хуже, — тем временем продолжил Вий. — Я взял девочку на мольфарское отделение. На ведьмовском Оляна бы быстро вытянула ее назад, все же ее парафия. Конечно, не прошло и недели, как пани Багрищенко припарковала метлу на моей крыше и устроила скандал. — Он усмехнулся. — Такое представление было, я тебе скажу. Давно уж так душой не отдыхал, даже глаза сумел чуть приоткрыть.

Чугайстрин допил кофе, стараясь не давиться от смеха. И поделом ей.

— В общем, заткнулась и улетела, разве что молнии не метала. А то Дидько бы ей вилами помог выход найти.

Череп тоненько захихикал. Чугайстрин покосился на него.

— Твой амулет согласен с этим.

— Еще бы, — буркнул Вий, — но, как ты понимаешь, на этом все неприятности не закончились. Куратором у Тани был Громов.

Чугайстрин выжидательно смотрел на друга. Ну Громов... И ладно, что тут такого? Порой невероятно заносчивый молодой человек, но... гений. Иногда можно и потерпеть. Уже четвертый год в университете работает, пока жалоб не было.

— Роман у них случился, — мрачно сообщил Вий.

— Дурень навѣжений^[5], — пробормотал Чугайстрин, добавляя еще несколько словечек

покрепче. — С какой радости? Он что, не знал, что ли?

— Да кто их разберет, — развел руками Вий, — может, и правда любовь. Только не в университете. Ты знаешь, не хватало тут еще разводиться неположенное.

— Это мне говорит ректор, у которого общежитие не разделено на мужскую и женскую часть, — невинно улыбнулся Чугайстрин, прожигая взглядом Вия. — А еще хорошо понимаю, что славно ты меня надурил, Павлуша.

— Разделено, но... Есть исключения, — ни капли не смутился Вий, — впрочем, не мне оправдываться. За общежитие ты сам знаешь что да как, а с сыном твоим... Не мог я и помыслить, что ему будет грозить опасность. Мольфар не из слабеньких, да еще и защитные силы от матушки достались.

Чугайстрин поморщился, будто попробовал целиком сжевать лимон.

— Не напоминай. Лучше скажи, как его доставать будем?

Вий потарабанил пальцами по столу, череп звонко клацнул маленькими челюстями.

— Работать будем, прощупаем весь университет, злыдневские силы тут как на ладони. Если ничего не выйдет — придется звать наших.

Чугайстрина не особо радовала такая перспектива, но деваться некуда. Порча и впрямь не слабая.

— Кто-то охотится за Багрищенко. Даже пробивает ауру преподавателей, вот в чем беда. Откуда они могли взять отругу — ума не приложу. Ведь уничтожили же все!

Покряхтев, как старик, Вий медленно поднялся со стула и медленно побрел к окну. Уставился слепыми глазами на кружившую за стеклом метель.

— Эту дрянь впитал один из студентов, превратился в чудовище. Пришлось его упокоить, ибо назад не вернуть. Таню пытались отравить, но прогадали — пострадал ее одноклассник.

— Жив? — поморщился Чугайстрин. В университете происходило что-то непонятное и мерзкое. Какая зараза так хорошо пустила свои щупальца, что уже наделала столько гадостей?

— Жив, — подтвердил Вий. — Но что будет дальше — не знаю. Плохи наши дела, чем скорее разберемся, тем лучше.

— Еще бы, — хмыкнул Чугайстрин, понимая, что затягивать ни в коем случае нельзя, и снова спросил: — Что будем делать?

— Для начала позовем сюда Багрищенко, попробуешь ее силу. А там...

* * *

В комнату я добрела не в лучшем состоянии. Честно говоря, сама не понимала, что произошло, чего это тот мужик произвел такое впечатление? Ну здоровый, красивый, явно не из универа. Дальше-то что? Сердце колотилось как бешеное. Плюхнулась на кровать и сделала глубокий вдох. Так, спокойно, без нервов.

Сила у него, правда, обалдеть — так и шурует во все стороны. Это ж сколько ему лет, что так держится? Ух!

Я подошла к зеркалу и спешно пригладила волосы руками. Это как он еще не испугался до одури, когда я в него почти влетела. Но все же интересно... к кому он?

Размышления прервала ввалившаяся Танька с огромным пакетом.

— Где тебя носит, лентяйка? — накинулась она. — Ждала-ждала, уж думала бежать на помощь!

— Кому на помощь? — тупо уточнила я, отходя от зеркала, чтобы помочь ей выгрузить из пакета фрукты на стол.

— Витальке, ясен пень, не тебе же! — хмыкнула она, с удовольствием раздирая мандарин и брызгая на меня соком.

— Ай, дура, прекрати! — Я быстро вытерла щеку. — Делать нефиг, что ли?

— Ну, не сердись, — примирительно произнесла Танька. — Я вот в гостях была, нас завтра гулять зовут.

— Кто и куда? — Я принялась доставать из пакета оставшиеся конфеты и мармелад.

— Трамвайщик, — многозначительно произнесла она.

Охнув, я так и села на первый попавшийся стул. Даже немного забыла о седовласом незнакомце и собственной несуразности.

— Вот это да-а-а-а! Показался все-таки?!

— Ага, — довольно сообщила Танька, разматывая шарф и расстегивая жилетку. — Я прям обалдела. А он такой маленький, обаятельный, бородища лопатой. И сам трамвайчик так смешно звенит тоже.

Я рассмеялась:

— Хорошо, уговорила. Обязательно пойдём. — И тут же, набравшись смелости, выпалила: — Слушай, а ты не видела...

— Ой, мамо, люблю Гриця,
Гриць на конику вертиться,
Грицю шапка до лица —
Люблю Гриця-молодця!

Я вздрогнула, уставившись на мобильник подруги:

— Ты что за извращение на звонок поставила?

— Это народная песня в обработке Mad Heads! — обиделась она. — Неуч ты, Динка!

— Сама такая, — буркнула я, мрачно наблюдая, как она прикладывает трубку к уху. Впрочем, через несколько секунд весь задор сменился угрюмостью. Танька нахмурилась, а потом тяжело вздохнула.

— Ну вот скажи, какого еще?

— Что случилось? — обеспокоенно поинтересовалась я.

— Вий вызывает.

— Ты что-то натворила?

— Нет, — еще один тяжкий вздох. — Ладно, потопала тогда. Смотри не слопай все сладкое.

Я осмотрела заваленный сладостями стол. Даже если постараюсь — ничего не выйдет. Потом глянула на Багрищенко:

— Может, мне с тобой?

— Не, — помотала головой Таня, — это тебе даже не Чугайстрин. Вий выпрет за милую душу. Так что сиди тут, не съест же он меня! Хотя...

Глава 6

Дочь Ворсклы

Настроение Чугайстрина испортилось, как только закончился разговор. Хвесья вызывала студентку, Вий-Совяцкий молча таращился в окно. Хотелось послать куда подальше эту Багрищенко с ее невероятной силой. Андрейка беспокоил куда больше. Искренне хотелось надеяться, что его матушка ничего не прознает и не устроит очередной скандал. Международный. С другой стороны, возможно, ей откровенно наплевать, что в данном случае только к лучшему.

Чугайстрин молча изучал столешницу, хотя на ней не было ничего интересного. Мысли бродили где-то далеко. Мигом накатила усталость от дороги и нервозности. Что делать дальше, пока он не представлял. Взглянуть на Андрея, а там... Если совсем плохо, придется просить своих чаривныков-волшебников, а то и Призрачного Цимбалиста позвать...

В дверь робко постучали. Щелкнула ручка, в кабинет заглянула невысокая девчонка:

— Можно?

— Заходи, — бросил Вий-Совяцкий, не удосужившись обернуться.

Багрищенко протиснулась в помещение. Худая, темноволосая, глаза синие, взгляд ведьминский: смотрит внимательно, цепко, будто душу вынуть хочет. Настороженная, как зверек, попавший к людям. Чуть шикни — сбежит. Хотя... Есть что-то неуловимо жесткое в ней, хоть с виду и выглядит напуганной. Возможно, это не страх, а осторожность? Ну-ну.

— Здравствуйте, — произнесла она, внимательно глядя на Чугайстрина.

— Присядь, — сказал Вий.

Багрищенко бросила взгляд на его спину, но потом присела на край стула. Все же кабинет ректора, сюда для приятных бесед вряд ли вызовут.

Некоторое время все молчали, изучая друг друга. Чугайстрин находил все больше и больше ведьмовских черт. Его губы дрогнули в улыбке. Сила девчонки скручивалась вокруг нее тугим энергетическим потоком. Густым, вязким, вишнево-сладким на вкус. Нырнешь чуть глубже — голова пойдет кругом, опьянешь вмиг. Кажется, что внутри этой силы пульсирует огромное сердце, которое заставляет энергетика вздрагивать и сжиматься. И в то же время было что-то такое, чего Чугайстрин пока понять не мог. Неправильное, неверное... Наверно, и впрямь не стоит ведьмам учиться на мольфаров.

Багрищенко неожиданно охнула и отшатнулась. Убрала за ухо темную прядь, уставилась темно-синими глазами.

— В-вы кто? — произнесла, чуть запинаясь.

Чугайстрин только ухмыльнулся. Потом посмотрел на молчаливого Вия. Не хотелось бы ляпнуть лишнего, Павлуша может не одобрить.

Вий все же повернулся:

— Познакомься, Татьяна, это Григорий Любомирович Чугайстрин. Один из основателей нашего университета и мой старый друг.

Повисла тишина. Багрищенко, кажется, немного потеряла дар речи. Хотя почему немного? Только неотрывно смотрела и хлопала ресницами. Прямо как рыжая до этого. Интересно, они вместе учатся или как?

— Очень приятно, — пробормотала она и тут же более твердым голосом добавила: — Татьяна Багрищенко.

Чугайстрин снова улыбнулся и кивнул, продолжая прощупывать силу юной ведьмы. Лакомый кусочек, факт. Такую кто угодно будет рад сожрать, не только стерва Оляна. Попытался углубиться, вдохнуть ведьминскую мощь, но перед глазами потемнело. Шумно выдохнул и мотнул головой. Однако, поставили сильнейший оберег, чтобы никто не лез. При этом еще и двойную охранку. Чугайстрин чуть нахмурился: или это не охранка? Почему кажется, что сила раздваивается?

— Что-то случилось? — тихо спросила она, явно начиная нервничать. Молчаливое прощупывание редкого человека не заставит желать сбежать подальше.

— Да куда уж еще, — неожиданно тяжело уронил Вий, глядя прямо на девчонку. — Григорий Любомирович — мольфар, ищет одаренных ребят.

Багрищенко бросила на него недоуменный взгляд, мол, зачем это еще. Но Вий сделал вид, что ничего не заметил. Чугайстрин удивился не меньше, стиснул зубы, чтобы не брякнуть что-то в адрес ректора, и вздохнул.

— В Ивано-Франковске по инициативе управления образования внедрена экспериментальная программа по работе с особо одаренными юношами и девушками, — произнес он с совершенно непроницаемым лицом, все же услышав, как сдавленно закашлялся Вий.

«Нечего подставлять товарища, — подумал Чугайстрин, — один тут умный, что ли?»

По лицу Багрищенко было не понять: поверила или нет, но все же осторожно кивнула. Его силу она однозначно прочувствовала, а не верить ректору причин пока нет.

— И? — осторожно уточнила Таня.

— Я получил необходимую информацию, — невозмутимо ответил Чугайстрин. — Извините, что потревожили вас в свободное время, но после восхищенных отзывов Павла Константиновича я просто не смог сдержаться.

Вий вновь закашлялся. Чугайстрин по-прежнему хранил доброжелательно-уверенное выражение лица.

— То есть... — медленно начала Багрищенко.

— Можешь идти, Татьяна, — вклинился Вий.

Долго уговаривать студентку не пришлось. Еще раз глянув на обоих мужчин, она попрощалась и быстро выскочила в коридор.

— Ты чего нес? — мило поинтересовался Вий, вытирая лоб ладонью. — Я чуть дар речи не потерял.

Чугайстрин встал и принялся мерить кабинет шагами. Сцепил пальцы за спиной, мысленно замыкая энергию в круг, чтобы хоть немножко восстановиться. Прощупывание юной ведьмы вытянуло немало сил, состояние было не из лучших.

— Лучше бы потерял его сразу, — пробурчал он. — Зачем было чушь нести про отбор студентов?

Вий не ответил, хотя оно и понятно. Что тут еще скажешь, если мудрому суровому ректору университета пришлось импровизировать. Сдаешь, Павлуша, сдаешь.

— Я как-то не задумывался, — протянул Чугайстрин, — хоть о Багрищенко и знаю, но как-то... Откуда они силу черпают? Она меня неплохо покусала, хоть при этом не пыталась повредить.

— Ворскла, — буркнул Вий, принимаясь бездумно перебирать бумаги, лежавшие на столе. — Река ведь не только Полтаву питает и силу ей несет. Местные же все время к ней прикладываются, а речка от этого только лучше делается.

Чугайстрин чуть нахмурился. Да уж, равнинные реки — это вам не горы, всякое может быть. Вздохнув, снова сел.

— Сильна. Очень, — он развел руками, — больше и сказать-то нечего. Хотя...

Вий насторожился:

— Что?

Резкий телефонный звонок заставил обоих подпрыгнуть. Вий глянул на определитель и поморщился:

— Опять эти упыри из управления. Иди погуляй немножко, а то я сейчас сморожу какой-нибудь бред.

Чугайстрин спорить не стал. Упырей знал лично, никакой особой жажды с ними общаться не испытывал, поэтому быстро вышел из ректорского кабинета. Если учесть, что особо идти некуда, то единственным решением...

В коридоре внезапно ощутился слабый аромат вишни. Он чуть нахмурился. Совсем же недавно вдыхал его. Опустил глаза, всмотрелся внимательнее, разглядел темный волос. Эге, да это ведьмочка синеглазая. Чугайстрин хмыкнул и щелкнул пальцами. Волос закрутился темной спиралькой и поднялся на уровень глаз. Чугайстрин легонечко подул на него — спираль окутало зеленое пламя и потянулось тоненькой ниточкой к выходу. Случайность поможет отыскать того, с кем Багрищенко разделила силу. Если этот таинственный рядом — хорошо, если нет — хотя бы будет направление. Он быстро последовал за магической нитью. Однако, преодолев два пролета, услышал голоса.

— Та они шо там у вас, показывыся^[6]? — лютовал Дидько. — Между прочим, это же членовредительство! Одних чучел тридцать штук извели за месяц!

— Жорж Гаврилыч, поспокойнее, — прозвучал грудной женский голос; казалось, мурчит огромная кошка — хищная и чуть утомленная. — Я все знаю. Но им надо тренироваться.

— А я что? Железный? Где я вам столько нечисти наберу, Солоха Панкратьевна? — продолжал возмущаться завхоз, поднимаясь по лестнице. — Это на охоту надо! А раньше лета — ни-ни! Так что как хотите, а Вий-Совяцкому бумагу я подам!

Всколоченный и раздраженный Дидько увидел Чугайстрина и ойкнул. Его сопровождающая, статная немолодая женщина в приглушенно-красном костюме, смотрела с любопытством.

— О, какие люди, — протянула она, улыбаясь алыми губами, в серых глазах вспыхнули искорки. Подняла руку и поправила прическу — иссиня-черные локоны — зависть всех женщин университета.

«Да уж, — подумал Чугайстрин, — век бы тебя не видеть».

Декана ведьмовского факультета стоило обходить десятой дорогой и желательно обвешавшись массой обережных заклинаний. Но, увы, не случилось.

— Рад видеть, пани Кандыба, — проникновенно произнес он, улыбаясь со всей искренностью, на которую только был способен. Увидев протянутую руку, подхватил и коснулся губами. От кожи пахло лавандой, пальцы были сухими и прохладными.

— Взаимно, пан Чугайстрин, — улыбнулась она. Улыбка, кстати, фирменная. Называется «чтоб ты сдох не сейчас, а попозже и в сильных мучениях». Впрочем, Чугайстрин ни капли не был удивлен.

Дидько топтался на месте, скручивая в трубочку какую-то бумагу. Видимо, ту самую, о чучелах. Встревать в разговор он не собирался, но смотрел на обоих с явным

неудовольствием.

Солоха, кажется, этого в упор не замечала, глядя прямо на Чугайстрина.

— Давненько вас не было в наших краях, уж совсем забыли, — голос сочился ядовитой озабоченностью, — али не прихворали часом?

— Ну что вы, Солоха Панкратьевна, как можно? — мягко ответил он. — У нас лекари не зря самые лучшие в стране. Работы невпроворот только, совсем не вырваться. А тут чудо произошло, приехал к Павлу Константиновичу.

Ведьма только хмыкнула. Как же, по глазам видно, что не то что не поверила, а насквозь вранье видит.

— Это славно, — сверкнула она белозубой улыбкой. — Кстати, а как ваша, кхм, трембита?

Чугайстрину с трудом удалось удержать невозмутимость. Вот ведьма! Это ж надо произнести название музыкального инструмента так, что Дидько заподозрил что-то крайне неприличное.

— Играет потихоньку, — ответил Чугайстрин, бросив на завхоза выразительный взгляд. От Солохи он не укрылся, поэтому та только хмыкнула.

— Что ж, и то хорошо. А теперь прошу простить, мы к ректору спешим.

— Да-да, — покивал Чугайстрин, — разумеется. Рад был видеть и... еще увидимся.

Стоило им только скрыться в коридоре, как он облегченно выдохнул. Встреча с бывшей — испытание не из легких. Удивительно, как такая-то панянка пропустила Багрищенко с ее силищей? Солоха ж может и Вия переспорить!

Глянув на замершую зеленую нить, Чугайстрин вздохнул и последовал за ней. Хорошо хоть мольфарские чары поиска никто не видит, а то пришлось бы сейчас отчитываться, как перед пионервожатой.

Зеленая нить разгоралась все ярче и вела прямо в университетский дворик, за корпусом. Носитель энергии был рядом, но что он делал на заснеженной площадке, да еще и в темноте? Вглядевшись в даль, Чугайстрин увидел одинокую фигурку, сидевшую на скамейке.

На миг замер, не зная, что делать дальше. Внахалку подходить — только спугнет, а уйти, даже не коснувшись ауры носителя, — глупо.

Шумно вдохнув, направился к скамье, по ходу придумывая, что б такого сказать. Вблизи сидевший оказался девчонкой в смешном берете с брошкой-лисой, темном пальто и длинной веткой в руке, которой задумчиво что-то чертила на снегу.

Рыжие кудряшки рассыпались по спине, снежинки поблескивали на них причудливым украшением. Не доходя нескольких шагов, Чугайстрин почувствовал странное тепло. Потом невольно улыбнулся: молодец, студентка, использует тепловой луч. С таким заклятьем не страшно и в плавках в мороз разгуливать.

— Разрешите? — поинтересовался он низким тихим голосом.

— А? — отозвалась она, резко вскинув голову. Желтые глаза удивленно уставились на Чугайстрина, тонкая рыжая бровь недоуменно приподнялась.

«А ведь та самая же, — меланхолично отметил он, — симпатичная, кстати».

На лице девушки не было и тени смущения, как в первый раз. Теперь уж скорее озадаченность, попытка поверить собственным глазам, которые почему-то вздумали вместо реальности показать сон.

— Да, — наконец произнесла она, — конечно.

И с выжидательным любопытством посмотрела на Чугайстрина, словно ожидая, что он

будет делать дальше.

Шепнув несколько слов, он сделал маленький шагок к скамье. Та дрогнула, девчонка охнула и вцепилась в быльце. С самым невозмутимым видом сел рядом на уже теплое и сухое дерево.

— Можешь убрать луч уже, — спокойно и невозмутимо произнес Чугайстрин, делая вид, что не замечает ее ошарашенного лица. — Я продержу скамью долго, еще и костерок могу развести.

Девчонка нахмурилась, но теплый луч исчез. Спешно стерла нарисованные на снегу символы, однако Чугайстрин все же заметил несколько мольфарских символов здоровья. Интересно, зачем ей? Болеет кто-то из близких?

— Вы кто? — почти прошептала она, глядя снизу вверх.

Нет, не боится, но все же насторожена. Почти так же, как и Багрищенко. Может, не зря сила и разделилась на девочек-то?

Понимая, что промолчать тут никак нельзя, он вздохнул и представился:

— Чугайстрин Григорий Любомирович.

— Ой, мамочки, — выдохнула она, прижав ладошки к губам.

На некоторое время повисла тишина, Чугайстрин уже подумал, что сморозил какую-то глупость. И тут же разозлился на себя за такие бредовые мысли. Просто не каждый раз встречаешь одного из основателей университета. А даже если девчонка об этом и не знает, то все равно чувствует сильнейшего мольфара, вот и реакция.

— Дина Гуцол, — неожиданно отрапортовала она, — студентка мольфарского факультета, группа 1-М.

Чугайстрин еле слышно засмеялся — до того забавным показался этот отчет на морозе в университетском дворе.

— Вижу, что не злыдневского, — заметил он, — злыдни не рисуют наши заговоры на снегу.

— Злыдни и не такое могут, — почему-то буркнула она, но потом замерла на полуслове. — Наши?

«Значит, не чувствует, — раздосадованно подумал он, — что-то я слишком хорошо подумал про молодежь».

Не говоря ни слова, Чугайстрин медленно поднял руку и пошевелил пальцами. Зеленое пламя охватило ладонь, тут же свернулось ластящимся котенком и потерлось о нее. Дина закусил губу, и он вдруг сообразил, что теперь и она сама раздосадована не меньше его.

— Понятно, — кратко бросила она. — А вы... Андрею Григорьевичу, часом, родственником не приходитесь?

Чугайстрин вздрогнул. Старый дурак. Как сразу не сообразил, что девчонку поразила не сила, а фамилия. Встреча с Солохой начисто мозги вышибла. Стараясь не ругаться, он только кивнул:

— Да, я его отец.

Еще один оценивающий взгляд, лиса-брошка быстрым движением передвинута ближе к виску, словно мешает думать.

— Вы можете сделать так, чтобы он выздоровел?

Чугайстрин не сразу сообразил, что у него перехватило дыхание. Говорить правду нельзя, а обещать... Он бы все отдал, чтобы Андрейка вновь открыл глаза, только... некому.

— Я стараюсь.

— Он очень хороший куратор, правда, — тихо произнесла Дина, сцепив пальцы до побелевших костяшек. — Вся группа очень жалеет, что так произошло.

Чугайстрин только кивнул.

— Спасибо. Передай ребятам, что мы делаем все возможное.

Дина ничего не ответила, но в воздухе разлился аромат вишни. Так-так, ведьмовская сила вытолкнула начальные мольфарские навыки. Вот и весь ответ тебе. Чугайстрин искоса разглядывал ее. И откуда такая взялась, говорит уже почти спокойно, уверенно. Да и, кажется, не особо смущается того, что пару раз ляпнула не то.

— Вам Хвесья Харлампиевна сказала? — неожиданно спросила Дина.

Чугайстрин недоуменно моргнул:

— Сказала что?

— Что я староста группы Андрея Григорьевича? — пояснила она, как нечто само собой разумеющееся.

— А... это, — выдохнул он, — почти. Я беседовал с ректором.

Должный эффект возымело. Дина прикусила язык, хотя явно хотела спросить что-то еще. Уставилась на носки своих сапог, потом глянула на руки, пробормотала какие-то извинения.

— Меня ждут, извините, пожалуйста. Приятно было побеседовать.

Щеки девчонки вдруг заалели как маков цвет, а потом ее и след простыл. Только осталось эхо от «до свидания, Григорий Любомирович».

— До свидания, лисичка, — хмыкнул он.

Что ж, теперь, по крайней мере, ясно, где искать ту, что поделила силу с Багрищенко. Что делать с ней, Чугайстрин еще пока не знал, но это уже был другой вопрос.

* * *

В царстве Хованца^[7] всегда царил полумрак. Витал запах пыли, старой бумаги, потертых переплетов и дерева. Деревянные столы, стулья, панели... Металл он не любил, считал злом и нововведением. Собственно, по шкале полезности и то, и другое стояло у него на одном уровне. В библиотеке было тихо — шелест страниц и скрип пера не считались. Вий-Совяцкий не запрещал, а Хованец твердо считал, что вести учет древних книг можно только заколдованными чернилами в огромном фолианте, который не каждый сумеет открыть.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Мольфар — в культуре гуцулов колдун, человек, управляющий природными силами.
(Здесь и далее — прим. автора.)

Характерник — ведун и духовный наставник, казак с колдовскими способностями в Запорожской Сечи.

Злыдень — демоническое существо в украинской и белорусской мифологиях.

Тут, здесь (укр.).

Сумасшедший, полоумный (*укр.*).

Посходили с ума (укр.).

Ховати (укр.) — прятать.